

М.В. Ефимов, О.А. Коростелев

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:
ИСТОРИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУБЛИЦИСТ

Личность и творческое наследие выдающегося литературного критика и историка литературы князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890–1939) в последние годы привлекают к себе в России все больше внимания¹. Однако до полного представления о наследии Мирского, его масштабе и его многообразии по-прежнему далеко. Наиболее заметной лакуной в этом плане являются работы Мирского как историка России, а не историка русской литературы. Мирскому принадлежат две систематические истории России [Mirsky 1927; 1931a], биография Ленина [Mirsky 1931], а также ряд статей, посвященных истории² и современному положению России³. Все эти работы до настоящего времени практически неизвестны российским читателям и российским исследователям⁴.

Мирский получил диплом об окончании историко-филологического факультета Харьковского университета осенью 1918 г., в разгар Гражданской войны⁵. В конце 1920-х гг., когда Мирский планировал лекционное турне по университетам США, в англоязычной биографии, которой он снабдил своего американского коллегу М. Флоринского, было указано: «Graduate of Universities of St. Petersburg (in Classics) and Kharkov (in history)» [Smith 1994, p. 130]⁶. И, уже всерьез обдумывая отъезд из Англии, Мирский в письме к тому же М. Флоринскому (январь 1930 г.), говоря о возможности получения постоянной работы в США, подчеркивал: «...специальность моя не литература, а история» [Ibid., p. 133].

Дело, однако, не только в формальной квалификации. Принадлежит к одному из древнейших в русской истории княжеских родов, Рюрикович (по линии матери, урожденной графини Бобринской, потомок Екатерины II), сын министра

¹ См. издания последних лет: [Святополк-Мирский 2002; Святополк-Мирский 2005 (переизд. 2006, 2007, 2009, 2014); Русская лирика 2010; Мирский 2014].

² Особо отметим работу: [Mirsky 1932].

³ Мирский выступал и как переводчик на английский язык сочинений российских историков: [Vladimirtsov 1930; Pokrovskii 1933].

⁴ Особняком на фоне остальных работ Мирского-историка стоит историко-политический памфлет «Интеллигентсия» (М.: Сов. лит., 1934), посвященный истории социально-политической мысли и культуры Великобритании XIX — начала XX в.

⁵ Перед самым началом Первой мировой войны, в мае 1914 г., Мирский окончил Санкт-Петербургский университет (историко-филологический факультет, классическое отделение), получив от М.И. Ростовцева приглашение остаться на его кафедре.

⁶ Письмо от 29 марта 1927 г.

внутренних дел, Мирский самими условиями рождения и среды изначально находился в пространстве русской истории. Для Мирского это обстоятельство никоим образом не было второстепенным. Более того, оно являлось одним из основополагающих в его биографии (см.: [Ефимов 2014]).

Лишь по немногим упоминаниям в текстах Мирского можно определить его отношение к предшествующей русской историографической традиции. В 1927 г. в «Истории русской литературы» Мирский даст блестящую характеристику Карамзину-историку: «Его основополагающая идея о всё искупающих добродетелях самодержавия искажает прочтение отдельных фактов. Но у этих недостатков имеется и хорошая сторона. Заставляя читателя воспринимать русскую историю как единое целое, Карамзин помог ему понять ее единство. Рассуждая о поведении государей с точки зрения моралиста, он получал возможность осуждать их за эгоистическую или деспотическую политику. <...> ...Больше всего воображение читателя поражали именно истории отдельных монархов, без сомнения, основанные на солидных фактах, но поданные и объединенные с искусством настоящего драматурга» [Святополк-Мирский 2007, с. 119].

В том же, 1927-м, году Мирский завершит свою краткую англоязычную «Историю России» списком рекомендуемых для дальнейшего чтения книг. Из шести авторов трое — русские. Мирский адресовал читателя к английским изданиям курсов Ключевского (при том что в 1925 г. скептически и мимоходом заметит: «Что бы ни говорили историки-экономисты и юристы, типа Ключевского...» [Mirsky 1989, p. 145]), Платонова и Корнилова [Mirsky 1927, p. 79]. В своей второй «Истории России» («Russia: A Social History», 1931) Мирский писал: «Что касается общих работ по русской истории, то каждый изучающий ее должен прочесть “Лекции по русской истории” В.О. Ключевского. Хотя им ощутимо недостает конструктивной точки зрения, их никто не превзошел по богатству конкретного материала, в особенности в том, что касается позднего средневековья и периода Московского царства. <Также необходимы> работы патриарха марксистской историографии, профессора М.Н. Покровского, чья общая схема русской истории является до настоящего времени наиболее адекватной из всех предложенных, которые после Покровского, соответственно, устарели. Единственная из его книг, доступная по-английски, это четырехтомная “История России” <...>, раннее сочинение, частично вытесненное последующими работами Покровского, бесценное, помимо всего прочего, потому, что содержит единственное удачное изложение истории петербургского периода. Более подробный реестр событий и законодательных мер (лишь до 1774 г.) можно найти в монументальном труде С.М. Соловьева» [Mirsky 1952, p. VIII]. Разумеется, эти упоминания ни в коей мере не описывают круг чтения Мирского в области русской истории, но, хоть и фрагментарно, дают о нем представление. Необходимо также отметить влияние английской историографической традиции. Основательное знакомство с сочинениями британских историков и историков культуры засвидетельствовано его многочисленными рецензиями, в частности, в журнале «The London Mercury».

Лейб-гвардеец Мирский участвовал как боевой офицер в Первой мировой войне, зимой 1916/17 г. проходил курсы Академии Генштаба в Петрограде, а в

Гражданскую войну был активным участником военного антибольшевистского сопротивления⁷. Осенью 1920 г., уже находясь в эмиграции, Мирский суммировал этот период своей биографии в письме из Афин к английскому писателю М. Берингу коротко и недвусмысленно: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли все мои друзья, за исключением двоих) и разочарований» [Святополк-Мирский 2002, с. 240]. Мирский стал непосредственным участником решающих событий в русской истории XX в., что навсегда изменило его мировосприятие. В большинстве случаев Мирский в публичных печатных высказываниях избегал говорить о себе, однако его историческая рефлексия явным образом мотивирована не только глубокими общеисторическими познаниями, но и личными обстоятельствами.

В представлении многих эмигрантов-современников Мирский первой половины 1920-х гг. был эстетом-эксцентриком, склонным к эстетическому же эпатажу в своих литературно-критических и историко-литературных оценках. Между тем в книге «Современная русская литература, 1881–1925» («Contemporary Russian Literature, 1881–1925», L.; N. Y., 1926) Мирский поместил две так называемые «промежуточные главы» («interchapters»), «Первая революция (1905)» и «Вторая революция», мотивируя это следующим образом: «Я все-таки включил в книгу две промежуточные главки о политике и о взаимодействии политики и литературы. Я сделал это не потому, что в разговоре об Андрееве и Блоке две революции важнее, чем гражданская война в разговоре об Уитмене и Уитьере, — а потому, что (хотя русская революция у всех на устах) очень мало кто из родившихся к западу от Риги знает хоть какие-нибудь факты, нужные для понимания вопроса» [Святополк-Мирский 2007, с. 455]. Этот опыт историко-политического письма не был для Дмитрия Петровича первым (достаточно обратиться к его более ранним англоязычным статьям; см. наст. публ.), но он значим потому, что является составной частью большого историко-культурного нарратива. Мирский не случайно писал историю русской литературы. Можно сказать, что в своих литературно-критических работах Мирский с самого начала был и оставался именно историком — историком, постоянно соотносящим прошлое с современностью.

В промежутке между первым и вторым томами своей знаменитой «Истории русской литературы», в 1927 г., Мирский опубликовал на английском языке сжатый популярный очерк истории России [Mirsky 1927], представляющий не только Мирского-историка, но Мирского как историка-евразийца. Его книга была замечена выдающимся историком и филологом П.М. Бицилли, опубликовавшим печатный отклик на нее и на «Начертание русской истории» Г.В. Вернадского⁸. Бицилли среди прочего писал: «Князь Д.С. Мирский задался целью изобразить на 78 страницах

⁷ В марте 1919 г. Мирский был мобилизован в армию генерала А.И. Деникина. До февраля 1920 г. находился на штабных должностях в Кубанском кавалерийском корпусе — 1-й Кубанской дивизии (Донбасс, Царицын), 3-й пехотной дивизии (Харьков, Льгов), с октября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии (Нежин, Тирасполь). В феврале 1920 г. в составе отряда генерала Н.Э. Бредова перешел польскую границу, был интернирован, в феврале–апреле 1920 г. находился в польском концлагере как военнопленный.

⁸ Ср. высказывание Мирского 1927 г. о книге Вернадского: «Слабо. Я думаю, он просто довольно глуп. Единственное достоинство книги, — что она вносит некоторое количество любопытного и малоизвестного материала» [Smith 1995, p. 90].

всю историю России — для иностранцев *ad usum Delphini*. В общем, он и здесь проявил свое мастерство в улавливании и в сжатом и отчетливом формулировании наиболее существенного, — как и в своей английской истории русской литературы. Конечно, многим пришлось пожертвовать. Некоторые умолчания очень досадны <...>. Попадают неточности и спорные, но догматически высказываемые утверждения <...> есть упрощение действительности, которое затрудняет ее понимание, а не упрощает» [Бицилли 1928, с. 519]. Однако главный акцент Бицилли делает на заключении книги Мирского: «Это заключение очень показательно для евразийской “историософии” и для лежащих в ее основе приемов и навыков мышления и обращения с историческими понятиями и исторической терминологией. Евразийская историософия в значительной мере определяется и обосновывается идеей “материка-океана”, самодовлеющего евразийского континента (“a continent a part”) кн. Мирского, — именно идеей, т. е. захватывающей всю духовную сферу силой, а не только понятием, идеей, несомненно коренящейся в некотором чутье, нашедшей себе поэтому изумительное и захватывающее поэтическое воплощение (Блок!), раньше, чем она отложила и отвердела в понятии. Именно это чутье историко-географической реальности и позволило евразийству, на мой взгляд, преодолеть отвлеченность и “бесплотность” русской исторической вульгаты. С другой стороны, однако, увлечение идеей обусловленности “истории” “географией” привело евразийство, как мы видели, к своего рода одержимости географией, более того, — географической терминологией. “Континент” для них — нечто абсолютное, непререкаемое, вроде “категорического императива”» [Там же, с. 521].

И тем не менее Мирский как историк, а не как историк-евразиец был едва различим для его компатриотов. Одна из главных причин — в том, что все важнейшие высказывания Мирского как историка были сделаны по-английски. Весьма показательной в этом отношении является статья «The Ukraine», опубликованная в 1923 г. в английском журнале «The Quarterly Review»⁹. Как отмечает крупнейший специалист в области изучения биографии и творчества Мирского Дж. Смит, «...<э>то наиболее впечатляющий образец описательной прозы на нелитературную тему, когда-либо созданный Мирским» [Smith 2000, p. 62]. Можно с высокой долей уверенности утверждать, что ничего подобного этой статье Мирского, с ее ясным и сжатым изложением событий многовековой давности, а также событий совсем недавнего прошлого (в обоих случаях — чрезвычайно сложно поддающихся структурированию), в то время по-русски попросту не существовало. Характерной особенностью является то, что Мирский на всем протяжении текста ни разу напрямую не отсылает к своему личному опыту участника Гражданской войны на Украине, а также к факту существования в Харьковской губернии родового имения Святополк-Мирских, где он сам и родился и куда вернулся в 1917 г. с Кавказского фронта. Статья демонстрирует и еще одну принципиально важную черту Мирского — тотальную логицизирующую историзацию любого современного материала. Мирский видит современность (и общеисторическую, и литературную) не как арифметическое, а как алгебраическое производное предшествующей истории. Эта черта, однако, парадоксальным образом сочетается у него с

⁹ См. наст. публ.

антидетерминизмом. Отсюда и устойчиво высокая оценка Герцена. В «Истории русской литературы» Мирский определил это следующим образом: «Его <Герцена> историческая интуиция, умение широко видеть историю, понимать значение деталей и связывать их с главными направлениями развития — поразительны. Мысль его прежде всего исторична, и именно понимание истории как стихийной, непредопределенной, не поддающейся вычислению силы, продолжающей столь же стихийную, непредопределенную, эволюцию природного мира, сближает его с Бергсоном. Для него процесс становления был творческим процессом, каждое будущее было новым относительно каждого прошлого, и страницы, которые он посвящает опровержению самой идеи предопределения, самого понятия мысли, направляющей историю человечества извне, принадлежат к числу самых ярких из всего, им написанного» [Святополк-Мирский 2007, с. 338].

Мирский, как это и вообще было ему свойственно, не оставил сколько-нибудь развернутого высказывания о своих общеисторических взглядах. Однако сохранилось исключительно ценное свидетельство выдающегося британского художника и художественного критика Роджера Фрая о разговоре с Мирским осенью 1925 г., сразу после того, как они оба приняли участие в знаменитых собраниях европейских интеллектуалов, «Декадах Понтины»¹⁰:

«Фрай: Как некоторые другие мыслители в Понтины, Вы предвидите новые “темные века”.

Мирский: Да, мне не терпится увидеть их наступление.

Фрай: Не терпится? Меня это поражает. Вы хотите увидеть, как все медленно накапливаемые достижения европейской мысли погибнут?

Мирский: Меня не интересует Европа, с ней покончено. Меня интересует Россия.

Фрай: Но ведь Россия находится в орбите европейской мысли?

Мирский: Нет, ничуть, и она освобождается от этого и готовится создать новое понимание жизни — и это то, что меня заботит» (цит. по: [Smith 2000, p. 102]).

И далее Мирский замечает: «...моя нервная система слишком чувствительна. Насилие по отношению к другому вызывает у меня отвращение, вот и всё. У меня нет морального возражения против насилия и даже жестокости, но это действует мне на нервы» (цит. по: [Ibid.])¹¹.

Этот разговор об этике личной и исторической происходил в 1925 г., и для его понимания необходимо помнить, что с 1922 г. Мирский был тесно связан с движением евразийцев, в первую очередь — с одним из его руководителей, П.П. Сувчинским. Работы Мирского, посвященные евразийству, напрямую связаны с его историческими (и, если допустимо использовать это слово, историософскими) взглядами. До настоящего времени участие Мирского в евразийском движении не привлекло должного внимания, хотя в данной области накоплен исключительно важный материал (см.: [Smith 1995; Smith 2000, p. 136–143; Казнина 1992]). Даже один из лучших современных исследователей истории евразийства относит Мир-

---

¹⁰ В письме к Сувчинскому из Понтины в конце лета 1925 г. Мирский писал: «Я живу в Европейской и интеллектуальной атмосфере, и не без удовольствия» [Smith 1995, p. 40].

¹¹ В этом контексте особенно важны слова Дж. Смита о Мирском как «“политическ<ом> существ<е>” (пусть наивн<ом>)» [Смит 2002, с. 266].

ского к числу «второстепенных» персонажей и «попутчиков» движения», а также допускает, что для Мирского — наряду с П.С. Араповым и Л.П. Карсавиным — евразийство могло быть важно «просто как средство эстетического эпатажа» [Глебов 2010, с. 22, 34]. Едва ли, впрочем, крайне противоречивый сюжет «Мирский и евразийство» можно свести к подобным редуцирующим формулировкам. Здесь мы затронем его по необходимости кратко.

В сентябре 1922 г. Н.С. Трубецкой писал Сувчинскому: «Диму Мирского я знаю и всецело приветствую его присоединение к нам» [Там же, с. 202]. В свою очередь Сувчинский писал Савицкому о Мирском в письме от 7 сентября 1922 г.: «в нашем полку прибыло», Мирский хочет «печатно сочетаться с евразийством» (цит. по: [Казнина 1992, с. 81]). В декабре того же, 1922-го, года Мирский замечает в письме к Сувчинскому: «Практически вообще я вполне Евразиец, но теоретическое обоснование Евразийства — дело другое. Я думаю все-таки, что между нами нет непримиримого расхождения и что мой взгляд не выходит из рамок допустимого разномыслия» [Smith 1995, р. 20–21]. Но уже в августе 1923 г. Мирский напишет тому же Сувчинскому: «Совестно сознаться, но Евразийство мое было в сущности явлением преходящим, выросшим на чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия. (Что, между прочим, мне кажется, Вы отчасти еще в прошлом году заметили?) Поэтому не считаю себя вправе, само собой разумеется, принять Ваше приглашение. Был бы, конечно, рад впоследствии писать для Вас, если Вы примете человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные и европейцем в нечетные годы. Впрочем, я вообще человек без убеждений и прирожденный, хотя и не всегда открытый, враг идей вообще. Вот и имейте со мной дело» [Ibid., р. 22–23]¹².

И, однако же, евразийские руководители сочли возможным «иметь дело» с Мирским¹³. В январе 1924 г. в Лондоне с ним встречался П.С. Арапов, писавший об этой встрече Сувчинскому: «Он все-таки замечательный человек. В общем, я не вижу его разногласий с нами, если не считать, может быть, отсутствия темперамента бойца и крайний индивидуализм» [Глебов 2010, с. 580]. Полгода спустя, в июле 1924 г., Арапов еще раз писал Сувчинскому: «...по прочтении программы <евразийцев Мирский> сказал, что он не вернется в Россию, когда мы сделаем переворот! Он считает, что вообще единой доктрины евразийства нет и что у отдельных авторов выражены взгляды порой настолько различные, что они не сводимы, не обязательно идут вместе и не составляют единого стройного целого. <Мирский> <в>выражал ошибочный взгляд <...>, что евразийцы эволюционируют и что основная разница, отделяющая нас от Леонтьева¹⁴, в том и состоит, что последний понимает историю статически, а мы якобы динамически» [Там же, с. 598].

В 1925 г. Мирский первый и единственный раз опубликовался в официальном евразийском издании, «Евразийском временнике» [Святополк-Мирский 1925], но его статья о протопопе Аввакуме не имела никакого отношения к акту-

¹² Пунктуация исправлена.

¹³ В 1923 г. Сувчинский сообщил П.Н. Савицкому, что Мирский обратился в евразийство ([Smith 2000, р. 102], со ссылкой на: [Казнина 1992, с. 81]).

¹⁴ Речь идет о Константине Николаевиче Леонтьеве.

альной евразийской идеологии¹⁵, что тогда же было отмечено. С.И. Гессен писал: «Точно так же мало евразийского и в двух отрывках кн. Д. Святополк-Мирского “О московской литературе и протопопе Аввакуме”. Напротив, скорее противоевразийски звучат следующие справедливые слова автора: “Древнерусское искусство ‘открыли’ не славянофилы, а декаденты. И ‘открыли’ потому, что не задавались историческими и патриотическими задачами, а имели ‘многогранный’ и восприимчивый вкус... Грабарь, совершенно беспринципный эстет, и Муратов, идолопоклонник Рима, сделали для восстановления нашей связи с древнеримским искусством больше, чем все славянофилы, взятые вместе, просто потому, что у них не было предвзятого представления о ‘русской идее’”. Впрочем, оба отрывка автора и не претендуют быть исследованием: если они и дают о чем-нибудь понятие, то скорее всего о личности самого автора, не скупящегося на чисто субъективные оценки своих предшественников и современников» [Гессен 1925, с. 501]¹⁶.

Сотрудничество Мирского с Сувчинским продолжилось изданием журнала «Версты», который, по словам Трубецкого Сувчинскому (февраль 1927 г.), «хотите Вы этого или не хотите, всеми воспринимается как журнал евразийский» [Глебов 2010, с. 464]. В том же письме Трубецкой, разбирая 2-й номер «Верст», с нескрываемым раздражением отзывается о статье Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе»: «Статья Мирского после всего того, что до сих пор было сказано и написано им и о нем, производит впечатление, как когда зажигают отсыревшую ракету: зажгут, отбегут, ожидая выстрела, а она, вместо того чтобы выстрельнуть вверх, погорит-погорит, сделает “пуф!”, подпрыгнет и упадет. В конце статьи какие-то извинения перед критикой, что уже совсем нехорошо. К тому же у Мирского страшно испортился язык. Вообще, что с ним сделалось?» [Там же]. Мирский, не зная, вероятно, об упреках Трубецкого¹⁷, размышлял между тем в письме к Сувчинскому в конце февраля 1927 г. о текущем положении евразийства: «Вашу мысль о Праве на диктатуру считаю бесконечно плодотворной. А араповское евразийство, конечно, в конце концов поло, как фашизм. Лично я считаю, что очередная задача Евразийства — его этизация» [Smith 1995, p. 77].

Всё в том же феврале 1927 г. Мирский пишет Сувчинскому: «<E>сли Вы считаете это своевременным, мне очень хочется написать откровенную статью о Евразийстве со всеми моими возражениями против него и с объяснением, почему все-таки несмотря на все его недостатки надо быть за Евразийцев. Если статья будет написана, она будет очень откровенная, и Савицкому и другим очень не понравится (а кое-что и Вам не понравится)» [Smith 1995, p. 73–74].

¹⁵ Незадолго до этого Мирский опубликовал предисловие к английскому переводу «Жития протопопа Аввакума», выполненному Дж.Э. Харрисон и Х. Мирлиз (см.: [Mirsky 1924]). В письме к Сувчинскому (октябрь 1924 г.) Мирский заметил, сравнивая две свои работы, посвященные одному предмету, но написанные на разных языках: «Для англичан я знаю достаточно, для русских ничего не знаю, особенно для Евразийцев» [Smith 1995, p. 30].

¹⁶ Неожиданным выглядит утверждение современной исследовательницы, что факт публикации в «Евразийском временнике» означает, что Мирский «был допущен к практической деятельности» (см.: [Устрялов 2010, с. 75]).

¹⁷ Хотя Мирский и пишет Сувчинскому (27 февраля 1927 г.): «Письмо Трубецкого одобряю вполне» [Smith 1995, p. 77], однако не уточняя, о каком письме Трубецкого идет речь. В марте 1927 г. Мирский мимоходом заметит: «Я не очень доверяю Трубецкому в серьезных вопросах» [Ibid., p. 81].

Статья была написана и опубликована по-английски в журнале «The Slavonic Review»¹⁸, официальном издании Школы славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета (The School of Slavonic Studies of King's College, London University), где преподавал Мирский. Дж. Смит характеризует статью как «наиболее ясное краткое изложение идеологии <евразийства> в его начальной стадии (1921–1926)» и добавляет, что работа «выделяется как один из лучших примеров способности Мирского сводить сложные понятия к самой их сути» [Smith 2000, p. 137]. Как отмечает О.А. Казнина, Савицкий «очень сдержанно отозвался» об этой статье [Казнина 1992, с. 82]. В свете последующих событий очевидно, что формулировки Мирского 1927 г. в значительной степени являются не выражением консолидированной общеевразийской позиции, а характерны для левого крыла течения¹⁹, которое в итоге и поведет курс на окончательный раскол движения.

В начале марта 1927 г. Мирский сообщал Сувчинскому: «Меня просят написать книгу (страниц в 100) по-английски о Евразии. Я соглашаюсь, и, вероятно, придем к соглашению. Моя линия будет тактическая и успокоительная, что, мол, раз континентальная культура (как это у Савицкого), нам никаких морей и ничего такого не надо. И латышей не будем трогать — но вообще книга будет совсем серьезная. Благодарствуйте ли Вы меня?» [Smith 1995, p. 80]. Неизвестно, «благодарствовал» ли Сувчинский Мирского написание книги о евразийстве, но в любом случае такой книги Мирский не написал, а в конце мая 1927 г. директивно сообщил Сувчинскому: «Важно сохранить комбинацию Вас (не сочувствующего Евразийству Евразийца) и меня (сочувствующего Евразийству не-Евразийца), и на всё остальное насрать. И издавать своими средствами маленькие книжки на насущные темы» [Ibid., p. 84].

«Комбинация» оставалась для вождей евразийства, Трубецкого и Савицкого, некоторое время секретом, так что еще в сентябре 1928 г. Трубецкой инструктировал Сувчинского: «Мирскому взмывте голову. Эпизод с ним поучителен в том смысле, что при нем нужно впредь быть весьма осторожным на словах. Он бестактен и органически анархичен, а потому, несмотря на свой ум, никак не годится в деятели» [Глебов 2010, с. 538]²⁰. Сувчинский, как известно, не последовал совету Трубецкого, и им вдвоем еще предстояло стать инициаторами раскола евразийства (см.: [Шевеленко 1994]), поводом для чего послужили издание Сувчинским газеты «Евразия» и ее редакционный курс при активном участии Мирского (см. подробнее: [Ефимов 2015]).

Нынешняя публикация призвана частично восполнить существующий пробел и ввести в русскоязычный исследовательский и читательский оборот некоторые наиболее значительные тексты статей Мирского-историка и Мирского-евразийца. Публикация приурочена к 125-летию со дня рождения Д.П. Святополк-Мирского. Предлагаемые статьи ранее не переводились на русский язык, и лишь одна из них («The Eurasian Movement») была перепечатана в английском оригинале в 1989 г. [Mirsky 1989, p. 237–245]. Переводы выполнены по текстам первых публикаций.

¹⁸ См. наст. публ.

¹⁹ Ср. с высказыванием Мирского 1927 г. по другому поводу: «<Я> всё очень хорошо понимаю, но страх люблю заниматься провокацией» [Smith 1995, p. 69].

²⁰ С. Глебов предполагает, что под «случаем с Мирским» могут подразумеваться нелестные высказывания Мирского в среде американских евразийцев о евразийце П.Н. Малевском-Малевиче.

Все выделения в тексте принадлежат Мирскому и даются курсивом (за исключением специально оговоренных случаев). Комментарии Мирского к собственным текстам приводятся в постраничных сносках, примечания публикаторов — в конце каждого текста.

Авторы публикации благодарят П.В. Дмитриева (Санкт-Петербург), Р. Дэвиса (R. Davies; Лидс), Т.В. Марченко (Москва), Ю.И. Мошник (Выборг), С. Сендеровича (S. Senderovich; Итака), П.А. Трибунского (Москва), Б. Уилли (B. Wyllie; Лондон), Н.А. Фролкину (Москва), К. Харера (K. Harer; Берлин), М. Шрубю (M. Schrubu; Бохум) за разнообразную помощь и содействие при подготовке публикации. Особые слова благодарности — Дж. Смиуту (Оксфорд) за его неоценимую помощь.

Литература

- Агурский 1980 — *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980.
- Бердяев 1912 — *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.
- Бицилли 1928 — *Бицилли П.М.* Новые синтезы русской истории // *Современные записки.* 1928. Кн. 34. С. 514–522.
- Блок 1918 — *Блок А.А.* Двенадцать. Скифы / предисл. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». СПб.: Революционный социализм, 1918.
- Велидов 1998 — *Велидов А.С.* Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.
- Восстание декабристов 1925–1986 — *Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии.* Т. I–XVIII. М.; Л., 1925–1986.
- Галанина 1998 — *Галанина Ю.Е.* О сотрудничестве Александра Блока с левоэсеровскими изданиями в начале 1918 года // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования.* СПб., 1998. Вып. II. С. 208–216.
- Герцен 1923 — *Герцен А.И.* Систематическая хрестоматия / сост. А. Розенблюм; под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Берлин: Скифы, 1923.
- Гессен 1925 — *Гессен С.И.* Евразийство <Рец. на кн.: Евразийский временник: Непериодическое издание / под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого. Берлин, 1925. Кн. 4> // *Современные записки.* 1925. Кн. 25. С. 494–508.
- Глебов 2010 — *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010.
- Гольденвейзер 1922 — *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // *Архив русской революции.* Берлин, 1922. Т. 6. С. 161–303.
- Граф Келлер 2007 — *Граф Келлер.* М.: Посев, 2007.
- Ефимов 2014 — *Ефимов М.В.* Д. Святополк-Мирский: Между аристократией и интеллигенцией // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.* 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 102–109.
- Ефимов 2015 — *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* Сер. «Филология». 2015. № 1 (41). С. 39–52.
- Казнина 1992 — *Казнина О.А.* Д.П. Святополк-Мирский и евразийское движение // *Начала.* 1992. № 4. С. 81–88.
- Киянская 1997 — *Киянская О.И.* Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 — 3 января 1826). М.: РГГУ, 1997.

- Колеров 1994 — *Колеров М.А.* Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–151.
- Крикун — *Крикун М.* Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років (До питання про політику Петра I стосовно України). URL: <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um1/Statti/2-krykun%20mykola.htm> (дата обращения: 21 сентября 2015 г.).
- Леонтьев 2007 — *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XX, 2007.
- Лукашова 2006 — *Лукашова С.С.* Миряне и Церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI в. М.: Ин-т славяноведения, 2006.
- Мирский 2014 — *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Об отмене... 1905 — Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1905.
- Осипов 1994 — *Осипов В.А.* Газета «Накануне». Берлин (1922–1924 гг.) // Россия и современный мир. М., 1994. Вып. 2. С. 173–179.
- Пайпс 2001 — *Пайпс Р.* Струве. Биография: в 2 т. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2001.
- Папков 1900 — *Папков А.* Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. М., 1900.
- Партия социалистов-революционеров 1989 — Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989.
- Петр Сувчинский 1999 — Петр Сувчинский и его время / ред.-сост. А. Бретаницкая. М.: Издательское объединение «Композитор», 1999.
- Плющ 1969 — *Плющ П.П.* Из истории украинского правописания // Вопросы филологии М., 1969. С. 293–297. (Уч. зап. МГПИ; т. 341).
- Процесс декабристов 1905 — Процесс декабристов: донесение, следствие, приговор, письмо Рылеева из крепости, указы. М.: Изд. И.А. Малинина, 1905.
- Пути Евразии 1992 — Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.
- Ратьковский 2006 — *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Романовский 2009 — *Романовский В.К.* Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. М.: Русское слово, 2009.
- Русская лирика 2010 — Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирского; вступ. ст. Е.Б. Белодубровского. Новосибирск: Свиныйн и сыновья, 2010.
- Святополк-Мирский 1925 — *Святополк-Мирский Д.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 338–350.
- Святополк-Мирский 2002 — *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002.
- Святополк-Мирский 2005 — *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиныйн и сыновья, 2005; 2-е изд. 2006; 3-е изд. 2007; 4-е изд. 2009; 5-е изд. 2014.
- Смит 2002 — *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
- Стегний 2002 — *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Междунар. отношения, 2002.

- Струве 1922 — *Струве П.Б.* «Евразийство» (По поводу сб. «На путях. Утверждение евразийцев». Кн. 11) // *Русская мысль*. Прага. 1922. Кн. VI–VII, июнь–июль. С. 376–377.
- Трубецкой 1920 — *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920.
- Устрялов 1920 — *Устрялов Н.В.* Интервенция // *Новости жизни* (Харбин). 1920. 24 февраля. С. 3.
- Устрялов 1921 — *Устрялов Н.В.* Patriotica (Путь термидора) // *Смена вех*: Сб. ст. Прага, 1921. С. 52–71.
- Устрялов 2010 — *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Фельштинский 1985 — *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж: YMCA-Press, 1985.
- Флеров 1857 — *Флеров И.* О православных Церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857.
- Хавкин 2006 — *Хавкин Б.Л.* Убийство графа Мирбаха: По следам преступления // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Chavkin6.pdf>.
- Чахотин 1921 — *Чахотин С.С.* В Каноссу! // *Смена вех*: Сб. ст. Прага, 1921. С. 150–166.
- Шевеленко 1994 — *Шевеленко И.Д.* К истории евразийского раскола 1929 года // *Themes and Variations: In Honor of L. Fleishman = Темы и вариации*: Сб. ст. и мат-лов к 50-летию Л.С. Флейшмана. Stanford, 1994. С. 376–416.
- Шульгин 1890 — *Шульгин Я.* Очерк Колиивщины. Киев, 1890.
- Щёголев 1912 — *Щёголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.
- Bergson 1907 — *Bergson A.* L'Évolution créatrice. Paris: Alcan, 1907.
- Mirsky 1924 — *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / transl. from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D.P. Mirsky.* London: Hogarth Press, 1924. P. VII–XXX.
- Mirsky 1927 — *Mirsky D.S.* A History of Russia. London: Ernest Benn, 1927. (Benn's Sixpenny Library; № 012); *Ibid.*: Garden City, New York: Doubleday, Doran & Co., 1928. (The Little Books of Modern Knowledge).
- Mirsky 1931 — *Mirsky D.S.* Lenin: Makers of the Modern Age. London: The Holme Press, 1931 (= Boston: Little, Brown & Co., 1931).
- Mirsky 1931a — *Mirsky D.S.* Russia: A Social History. London: The Cresset Press, 1931. (Historical Series / ed. C.G. Seligman; № 1); 2nd ed. 1952.
- Mirsky 1932 — *Mirsky D.S.* Russia, 1015–1462 // *Cambridge Medieval History*. 1932. Vol. VII. P. 599–631.
- Mirsky 1989 — *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature / ed. by G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; Vol. 13).
- Pokrovskii 1933 — *Pokrovskii M.N.* Brief History of Russia: 2 vols / transl. by D.S. Mirsky. London: Martin Lawrence Limited, 1933.
- Smith 1994 — *Smith G.S.* The Correspondence of D.S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // *Slavonic and East European Review*. 1994. Vol. 72, № 1. P. 115–139.
- Smith 1995 — *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995.
- Smith 2000 — *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.
- Vladimirtsov 1930 — *Vladimirtsov B.* The Life of Chingis Khan / transl. by Prince D.S. Mirsky. London: George Routledge, 1930.

Чуть больше года назад князь Н.С. Трубецкой¹, сын покойного князя Сергея Трубецкого², философа и ректора Московского университета, ныне преподаватель в Софийском университете, опубликовал книгу «Европа и человечество»³, в которой намеревался доказать, что европейская цивилизация не была ни единственной, ни высшей формой человеческой цивилизации. Трубецкой доказывал, что она превосходила другие цивилизации лишь с точки зрения военной и коммерческой подготовленности, что каждая настоящая цивилизация имеет свою внутреннюю и всеобщую ценность и что Россия не была ни частью Европы, ни частью Азии, но была целым континентом со своей собственной географической и культурной индивидуальностью. Этот континент Трубецкой назвал, вслед за Ламанским⁴, «Евразией». Вокруг Трубецкого собралась группа людей, назвавшихся «евразийцами». Центр движения находится в Софии⁵, а «Исход к Востоку»⁶ является его манифестом. Из четырех авторов сборника Трубецкой — филолог, Флоровский — философ, Савицкий — экономист, у Сувчинского нет какой-либо определенной академической специализации⁷. Далекая от того, чтобы оставаться в той исключительно географической и этнографической стадии, из которой она произросла, евразийская идея развилась до уровня философского учения, которое объединяет авторов «Исхода» без всякого намерения сделать их единообразными. Евразийская идея завоевывает широкую и сочувственную аудиторию среди самых разных классов русской публики.

Предисловие к «Исходу» содержит основные тезисы евразийцев⁸. Они считают, что наше время — это не только переходный период, но поворотный момент. Они не верят в предустановленные цели и очень настойчиво подчеркивают свою веру в творческий характер истории, используя слово «творческий» в его точном бергсоновском смысле⁹. «История не есть для нас уверенное восхождение к некоей доисторически предначертанной абсолютной цели, но свободная и творческая импровизация, каждый момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения». Евразийцы, таким образом, отбрасывают все «историософские» системы, претендующие на то, чтобы объяснить и предсказывать историю человечества, и в первую очередь — идею прогресса. «С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, — мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне “история толкается именно в наши ворота”». Их вера в Россию — не покорное приятие предопределенной цели, но интуитивная вера в творческую силу нации. Они верят во внутреннюю ценность «русской национальной стихии», но отказываются поклоняться или

признавать как воплощенного идола любое конкретное проявление или достижение этой стихии. Их вера по сути своей динамична, и они знают, что будущее зависит не от судьбы, а от воли человека. Они безоговорочно враждебны большевизму и твердо убеждены, что адресованное миру послание России будет «отвержением социализма и утверждением Церкви». Их отношение к революции выражено в следующих словах: «Смиряться перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаем лишь сознательно-злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восстанавливая на Бога и Церковь».

В книге наиболее интересны работы Трубецкого и, в особенности, Флоровского. Трубецкой посвятил свою статью анализу «подлинного и ложного национализма». Он непримиримый враг национализма, беспокоящегося лишь о своих политических притязаниях и готового принести в жертву Молоху государственного суверенитета все подлинные ценности оригинальной национальной культуры. Трубецкой равно враждебен беспримесно агрессивному шовинизму, рассматривающему все прочие нации лишь как материал для завоевания. Подлинный национализм — это, прежде всего, самопознание и развитие зачатков подлинной культуры. Как и остальные евразийцы, Трубецкой не склонен отождествлять славянство и Россию и принимает во внимание лишь черты, указывающие на Восток. Флоровский развивает идею творческой истории. Он — заклятый враг всех систем мировой истории, и Гегеля, и Маркса. Он — ученик Бергсона, но в еще большей степени — Фихте. Он большой поклонник американского прагматизма (Джеймс¹⁰ и Ройс¹¹) и обширно цитирует Герцена, чьи исторические и эволюционные взгляды и впрямь являются замечательным примером «бергсонизма до Бергсона»¹².

Два элемента евразийского учения особенно ценны и плодотворны. Это убеждение в превосходстве культуры над политикой — убеждение, которое они разделяют со всем, что есть лучшего и наиболее жизнеспособного в современной русской мысли. И это смелое утверждение свободы и творческой природы исторического процесса. Такое утверждение должно оказаться ценным вкладом в образование и воспитание нации. Ничто из этих идей, как представляется, органически не связано с восточными чертами, от которых евразийцы получили свое название. Будем надеяться, что этот ориентализм окажется наименее прочной частью евразийского учения.

Опубл.: *Anon.* A «Eurasian» Manifesto. The Exodus toward the East («Iskhod k Vostoku»). Articles by Peter Savitski, P. Suvchinsky, Prince N.S. Troubetzkoy, and George Florovsky. (Sofija) // The Times Literary Supplement. 1922. 1 June. P. 350.

¹ Трубецкой Николай Сергеевич, князь (1890–1938) — лингвист, философ, публицист. В 1915–1916 г. приват-доцент Московского университета, с 1918 г. преподаватель Ростовского университета. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Болгарии, преподавал в Софийском университете; в 1923 г. переехал в Вену, преподавал в Венском университете.

² Философ, публицист и общественный деятель Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) стал первым выборным ректором Московского университета в 1905 г.

³ [Трубецкой 1920].

⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — историк, славист, один из первых русских геополитиков. С 1865 г. доцент (с 1871 г. профессор) Петербургского университета, преподаватель Духовной академии и Академии Генерального штаба. Академик (1899). Секретарь Русского географического общества (позже председатель этнографического отделения). Основатель (и редактор в 1890–1912 гг.) журнала «Живая старина». В докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1870) выдвинул теорию различных по религиозному, гражданскому и нравственному характеру миров, которую развил в труде «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), очерчивая особенности германо-романского, греко-славянского и азиатского миров. Считал Евразию центром распространения современной мировой цивилизации.

⁵ После выхода в 1920 г. книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» его единомышленниками стали находившиеся тогда в Софии Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, а также вскоре перебравшиеся из Константинополя в Софию П.Н. Савицкий и кн. А.А. Ливен. София очень недолго была центром евразийства. В конце 1921 г. Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий получили приглашение преподавать на Русском юридическом факультете в Праге, а Н.С. Трубецкой годом позже стал преподавателем Венского университета. Подробнее о складывании евразийства см.: [Колеров 1994].

⁶ Полное название: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921. Первый сборник евразийцев включал работы четырех авторов, каждый из которых дал две или три статьи. Сборник составили статьи Н.С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме», «Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры)», Г.В. Флоровского «Разрывы и связи», «Хитрость Разума», «О народах не исторических (Страна отцов и страна детей)», П.Н. Савицкого «Поворот к Востоку», «Миграция культуры», «Континент — Океан (Россия и мировой рынок)», П.П. Сувчинского «Сила Слабых», «Эпоха Веры».

⁷ Сувчинский проявил себя преимущественно как музыкальный деятель. Подробнее см.: [Петр Сувчинский 1999].

⁸ По поводу авторства предисловия исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. И.А. Исаев считает автором Н.С. Трубецкого (см.: [Пути Евразии 1992]), М.А. Колеров усматривает следы редактирования, принадлежащие П.Н. Савицкому (см.: [Колеров 1994]).

⁹ Мирский имеет в виду взгляды Анри Бергсона (Bergson; 1859–1941), изложенные им в книге «Творческая эволюция» («L'Évolution créatrice»; см.: [Bergson 1907]). В этой книге Бергсон саму эволюцию рассматривал как непрерывно возобновляющееся творчество.

¹⁰ Джеймс Уильям (James; 1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей прагматизма.

¹¹ Ройс Джосая (Royce; 1855–1916) — американский философ-неогегельянец, профессор Гарвардского университета (1882–1916), президент Американской философской ассоциации. Ройс не был сторонником прагматизма, хотя и называл одну из своих работ — «Мир и индивидуум» (1900–1901) — «абсолютным прагматизмом». С годами он все больше критиковал прагматизм за игнорирование вечных ценностей.

¹² У самого Флоровского такого сравнения нет.

РУССКИЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

I

Одним из непредвиденных результатов великой интернационалистской революции октября 1917 г. стало появление множества новых доктрин национализма. Россия, обнаружив, что в своем интернационализме оказалась в одиночестве, открыла в этом, судя по всему, свежий источник для самоутверждения.

Первая из этих доктрин, сочетавшая национализм с принятием большевистской революции, возникла еще в 1917 г.¹ Часто забывают, что большевистская ре-

волюция — результат коалиции двух партий — большевиков, с тех пор официально именующих себя коммунистами, и левых социалистов-революционеров, чьи представители в Совете народных комиссаров покинули свои посты в начале 1918 г.² Эти две партии удачно воплощают два вполне отчетливых типа умонастроений, или, точнее говоря, в то время как большевики сочетают эти два типа, левые социалисты-революционеры представляют один из них в его почти химической чистоте. Они воплощают чистый дух мятежа, великой *Lust der Zerstörung*³, которая вдохновляла их духовного отца, Михаила Бакунина⁴.

В своей теории большевики — ученики Маркса. Левые социалисты-революционеры, при всем своем почтении к автору «Капитала», не питают к нему безоговорочной преданности и исповедуют учение, которое иногда называют «русским социализмом». В экономике их учитель — Чернышевский, их пророк — Герцен. Фактически Герцен был первым русским, который связал идеи национализма и социализма: для него, глубоко презиравшего буржуазный дух Запада, вера во врожденный социализм русского народа была единственной опорой и надеждой. Его учение было воспринято и видоизменено народниками 1870-х гг., от которых и перешло к социалистам-революционерам. Большинство этой партии, игравшей столь заметную роль в 1917 г., поддерживало демократию, Керенского и Учредительное собрание. Пылкое и фанатичное меньшинство усвоило советскую идею, присоединилось к Ленину и несколько месяцев находилось с большевиками в правительстве. Однако левые эсеры оказались неспособны следовать за Лениным и Троцким во всех тяжелых испытаниях, решительных шагах и поворотах их политики. Они были в известном смысле пуритане. Чистота революционного идеала была для них всем. Они провозгласили прекращение военных действий на фронте, но протестовали против Брестского мира. Они отказались осквернить себя переговорами с германским императором. Они выступали за *пассивное* сопротивление последнему, соглашаясь скорее с тем, чтобы позволить немцам оккупировать территорию всей России, чем подчиниться их условиям. Когда Брестский договор был подписан, левые эсеры начали террор против немцев и остальных подписавших его сторон. Это от их рук пали граф Мирбах⁵ и генерал Эйхгорн⁶; это одна из них покушалась на жизнь Ленина⁷. Большевики ответили созданием ЧК⁸. Нужно отметить, что первые удары официального большевистского террора были направлены против их бывших союзников, которые, вопреки всему, даже тогда все еще поддерживали советское правительство, не без оснований считая себя истинными защитниками революционного коммунизма⁹. Они являются (или, по крайней мере, были в 1918 г.) ультралялистской оппозицией, *plus royaliste que le Roi*¹⁰.

Тем не менее левые социалисты-революционеры представляли бы мало интереса для широкой публики, если бы не их литературная деятельность¹¹. Она неотделима от имени Иванова-Разумника. Этот вполне второразрядный писатель и историк литературы сумел успешно сосредоточить вокруг себя ведущие литературные силы своего времени. В 1917 г. он начал издавать непериодический альманах «Скифы»¹², и под этим же названием он до сих пор ведет оживленную издательскую деятельность в Берлине¹³. Два года назад это «скифское» издательство

было за пределами России единственным, кто публиковал новые и значительные произведения русской литературы¹⁴. Несколько крупнейших русских поэтов присоединились к Иванову-Разумнику. В том числе и величайший из них — Блок, чья грандиозная поэма «Двенадцать» появилась с многословным предисловием Иванова-Разумника¹⁵. В 1917–1918 гг. верными последователями Иванова-Разумника также были Андрей Белый и Есенин.

Национализм «Скифов» довольно странный. В нем нет ничего, что обычно ассоциируется с патриотизмом. Наоборот, «Скифы» верят, что интернационализм и социализм являются национальными чертами России, с неожиданным воодушевлением перенимая идеи не только Герцена¹⁶, но и Достоевского. Они своего рода мистики, хотя и абсолютно нерелигиозного типа. В их мистике нет места для Бога, а лишь для некоего мистического восприятия Жизни и Истории, что было знакомо и Герцену и что напомним западному читателю идеи Мишле¹⁷ и Эдгара Кине¹⁸. Их идеал — социализм и свободная федерация коммун, идеал Бакунина¹⁹. И они верят, что Россия мистически предназначена воплотить этот идеал в жизнь. Следуя за близкой Герцену мыслью, «Скифы» любят проводить параллель между христианством и социализмом. Для них Христос и Ленин — это звенья одной цепи²⁰. Западный мир пребывает в состоянии Рима, каким тот был девятнадцать веков назад, Спаситель же — это социализм. Но западный мир (здесь «скифы» вновь вторят Герцену) неспособен к социализму, он разъеден до мозга костей «буржуазной» заразой. Россия одна способна к духовному возрождению. Отсюда и русский мессианизм «Скифов», причудливый двойник польского мессианизма восьмидесятилетней давности. Замечательна степень присущей этим «Скифам» гордыни, они усердно и искренне презирают Запад, и, говоря о западном мире, кажутся фарисеями, творящими молитву. Но поскольку они не уважают буржуазных добродетелей Европы, считают преступление и злодейство почти необходимым началом спасения в социализме и прославляют «грехи во спасение», открытые ими в России, то кажется, что временами они меняются ролями и превращаются в мытаря, благословляющего Бога за то, что Тот не создал его похожим на фарисея²¹.

II

То, что было сделано большевиками созидательного, было сделано после того, как они расстались с обществом левых социалистов-революционеров. Можно по-разному оценивать эту созидательную работу, но несомненно, что большевики, по крайней мере, оказались бóльшими государственниками, чем люди 1917 года. Эта особенность их деятельности вызвала рост национал-большевистского движения, если его можно так назвать.

Национал-большевиков можно легко описать как противоположность левым социалистам-революционерам. От большевизма левые эсеры усвоили идеи анархии и мятежа, а национал-большевики — идеи организации и дисциплины. Национал-большевизм возник позже и большевизма, и скифства. Вначале все национально-мыслящие и патриотические элементы российского общества встретили

большевизм решительным сопротивлением и категорическим неприятием. Как все помнят, были созданы белые армии, первая из них — в первую же неделю²² после большевистского *coup d'état*²³. Белые армии боролись во имя русского народа, государства и родины против красных интернационалистов. Но очень скоро белые начали ощущать ложность своего положения. Они обнаружили, что борются рука об руку с иностранцами против российских армий. Большинство из этих иностранцев делало всё, чтобы не пользоваться популярностью в России. Имя чехов до сих пор вызывает исключительную ненависть от Волги до Тихого океана. Японцы едва ли могли рассчитывать на сколько-нибудь нежное отношение со стороны русских. Кремлевские интернационалисты весьма умело использовали национальное возмущение, вызванное интервенцией. Красная армия, впитавшая в себя многие тысячи офицеров старой армии, стала первым рассадником национал-большевизма. Во время войны с Польшей²⁴ и возвращения Закавказья²⁵ в армии произошел подлинный национальный переворот, и отношение Врангеля к Польше²⁶ не сделало его более популярным: его присутствие в Крыму в 1920 г. было очень важным фактором, определившим успешность сражений поляков с Красной армией.

С другой стороны, большевики доказали некоторую, пускай и поверхностную, способность управлять страной. Если деятельность Временного правительства в 1917 г. была чисто разлагающая, то в Ленине и Троцком был, по крайней мере, намек на что-то, напоминающее строительство. Многие подлинные патриоты, находившиеся на советской территории, — например, генерал Брусилов²⁷ — поддержали большевиков на чисто патриотических основаниях. Все это сказалось и на белом стане: в начале 1920 г. профессор Устрялов, находившийся тогда в Харбине, первым заявил о необходимости подчиниться Советам²⁸. Идея родины, утверждал он, выше партийной идеи, и, соответственно, какая бы партия ни правила, родина остается той же, что и прежде. Большевики были сознательными и открытыми интернационалистами, но само положение вынудило их проводить национальную политику — вопреки их теориям, получив власть, они не могли не стать национальной силой. Они возродили Россию как великую державу и заставили весь мир трепетать при упоминании ее имени. Устрялов резюмировал свои доводы с большой риторической силой: «Над Зимним дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развеивается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют “Интернационал”. Пусть это странно и больно для глаза, для уха²⁹, но в конце концов в глубине души невольно рождается вопрос: “Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец, — или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?»³⁰

В этих словах и в этом строе мыслей есть глубокое идолопоклонство, глубокий фетишизм по отношению к самой идее государства и империи. Глубокое чувство реальности, как говорят национал-большевики, или глубокое уважение

к успеху, как это определяют их противники; чувство, противоположное благородным словам Катона: *Victrix causa deis placuit sed Victa Catoni*³¹. Но Катон — не герой современности, и я вспоминаю патетические и глубоко прочувствованные слова жалости и презрения, обращенные к нему другим человеком с «чувством реальности», пророком германского индустриализма, графом Германом Кайзерлингом³².

Идеям профессора Устрялова понадобилось некоторое время, чтобы найти последователей в среде эмиграции. Но к концу 1921 г., под влиянием окончательного провала всех попыток сбросить большевиков *manu militari*³³, после того, как многие эмигранты разочаровались в своих западных друзьях, эти идеи стали более популярными, и весьма значительная группа эмигрантских интеллектуалов объединилась, издав сборник статей «Смена вех»³⁴, в котором были приняты и развиты идеи национал-большевизма. Почти все авторы сборника были в прошлом активными участниками антибольшевистского движения, ныне же они несут эпитимью, и название «Каносса»³⁵ — одно из любимых в их словаре. Некоторые из авторов были завзятыми реакционерами и шовинистами, лишь один, Ю. Ключников, бывший член колчаковского правительства³⁶, может внушать в обществе некоторое уважение.

Большевики встретили движение с явной усмешкой, но предоставили ему действительную помощь. «Сменовеховцы», как их стали называть, получили субсидию на издание ежедневной газеты в Берлине, «Накануне»³⁷, и она стала единственной эмигрантской газетой, допущенной в Россию. Что же до высказываемых газетой идей — принятия большевизма во имя отстаивания национальных интересов и упорной веры в естественную эволюцию большевизма в сторону национальной и буржуазной политики, то они постоянно атакуются официальной прессой большевиков, лидерами партии и еще больше — левыми коммунистами. Но московское правительство считает «Накануне» полезным средством пропаганды среди эмигрантской интеллигенции, и щедрая финансовая помощь делает его таковым. Это средство привлекло некоторых известных людей (среди них — романист А.Н. Толстой³⁸). Газета сохраняет некоторый флёр независимости: защищает НЭП (новую экономическую политику) и выступает против любых симптомов коммунистической реакции. «Накануне» с энтузиазмом относится к Чичерину и политике Москвы в Азии, горячо поддерживает Кемаля, уделяет много внимания Ирландии, Индии и Египту, а также всем вопросам несогласия с Антантой, таким как Рур, Вильно и Мемель. Газета красноречива в своих атаках на Польшу и Румынию. С другой стороны, она позволяет себе мягко не соглашаться с такими мерами, как преследование Церкви или принудительное атеистическое воспитание. «Накануне» хорошо информирована, и ее передовицы временами умело написаны. Но с точки зрения издательского дела она не может стоять на своих ногах и во многом зависит от милости советских властей.

III

Движение сменовеховцев, в той степени, в какой оно не есть лишь продукт щедрости большевиков, имеет своим центральным мотивом идею государства. Ее можно назвать почти государственным фетишизмом, крайней формой *étatisme*³⁹, буквальным воплощением сакраментальных слов св. Павла «нести бо власть, аще не от Бога»⁴⁰. Это настроение умов, весьма чуждое старой интеллигенции, и национал-большевизм является одним из многих симптомов разрушения и упадка этого странного и бурно обсуждаемого социального образования. Нелишне, *à propos*⁴¹ национал-большевиков, вспомнить замечательную, подлинно эпохальную книгу, от названия которой национал-большевики и произвели название своего сборника. Это — «Вехи» 1909 г., собрание статей группы интеллектуалов, восставших против тогдашней интеллигентской ортодоксии, некоторые — во имя христианства, другие — во имя философии и идеализма, третьи (опять же) — во имя государства и страны. К последней категории принадлежал Петр Струве, ставший центром движения большей части интеллигенции в сторону патриотизма и империализма. Это движение сыграло свою роль и в подготовке к войне, и в упрямом отказе либеральных партий заключить мир в 1917 г., и в продолжении Гражданской войны. Сам Струве был начальником Управления иностранных дел при генерале Врангеле⁴². Ныне он является одним из руководителей Национальной лиги⁴³ и крупнейшим политическим мыслителем в эмиграции. Идеи Струве совершенно свободны от того поверхностного патриотизма, который сводит большевизм к немецкому заговору или еврейской мести. Струве признает революцию как подлинный плод русской почвы и русского национального духа. По своей сути он близок к Устрялову, и некоторые из его последователей могли бы ожидать, что его любовь к абстрактной идее государства и его империалистические эмоции приведут Струве к объединению с Устряловым и проповеди паломничества в коммунистическую Каноссу⁴⁴. Но Струве видел то, чего Устрялов предпочитал не замечать: он видел, что большевизм был не бессознательно-национальным государством устряловской доктрины, а вполне сознательной интернациональной и антипатриотической организацией, для которой Россия была лишь подручным средством для мировой революции. Струве не был ослеплен силлогизмом, согласно которому правительство, находящееся в Москве, должно обязательно быть правительством российским. И он отверг российское правительство, которое отвергает Россию. Он не отвергает саму Россию, и если Россия ответственна за столь многие преступления против самой себя, его отношение к ней подобно отношению к любимому человеку, пытавшемуся совершить самоубийство и все еще находящемуся в смертельной опасности.

Но патриотизм Струве никоим образом не мессианский или метафизический. Струве полностью осознает тот факт, что он любит Россию по той единственной причине, что ему довелось родиться русским, и у него нет склонности идеализировать все русское. В освященном времени споре западников и славянофилов Струве, пожалуй, скорее славянофил. Это делает его патриотизм весьма неподходящей пищей для тех, чья жажда более опьяняющего прямолинейного национализма была чрезмерно усилена недавней трагической судьбой их родины.

IV

Таковы евразийцы. Они, разумеется, не имеют ничего общего с «евразийцами» в Индии⁴⁵. Свое имя они получили из учения русского географа Ламанского⁴⁶, предложившего различать в большом континенте Старого Света не две, а три большие части; третья, Евразия, приблизительно совпадает с Российской империей — утверждение, имеющее, к слову сказать, в свою пользу географические и даже весьма убедительные климатологические аргументы. Поэтому в сердцевине евразийской доктрины находится утверждение, что Россия — не часть Европы или Азии, но самостоятельный мир, замкнутый и герметичный *Kulturkreis*⁴⁷, противоположный, с одной стороны, европейскому *Abendland*⁴⁸, с другой же — восточным цивилизациям Китая и Индии.

Евразийцы возникли сравнительно недавно. Они появились всего лишь к концу 1920 г., когда князь Н.С. Трубецкой⁴⁹, сын выдающегося профессора философии и ректора Московского университета, сам многообещающий молодой лингвист, опубликовал в Софии книгу под названием «Европа и человечество», в которой взялся доказать, что Западная, или римско-германская, цивилизация всего лишь цивилизация локальная, что, если судить по любым иным меркам, кроме экономической и военной, она ничем не выше любой другой цивилизации, что первой целью любого не-римско-германского народа является освобождение от губительного влияния и подавляющей гегемонии и что миссия России в том, чтобы возглавить восстание против тирании Запада. Могут возразить, что Россия уже делает это в лице своих интернационалистских вождей в Москве, с их широкой пропагандой в Азии. Однако Трубецкой и евразийцы, вскоре присоединившиеся к нему и опубликовавшие в той же Софии сборник статей под выразительным названием «Исход к Востоку», являются духовным потомством славянофильства, и для них, как и для славянофилов, «без православия наша народность — дрянь*»⁵⁰. Это первый догмат евразийской веры, и он решительно отличает евразийство от любых форм революционного мессианизма.

Второй догмат, и дающий, собственно, евразийцам их имя, это утверждение глубокого и сущностного различия между Россией и Европой, и естественно, что это часто ведет евразийцев к противоположной крайности — к утверждению большей близости России к Востоку, чем к Западу. Трубецкой пытался доказать это при помощи сложных этнографических аргументов. Его решающим доказательством было более близкое родство российских песен и танцев с тюркскими, а не европейскими. Это также побуждает евразийцев мало считаться со славянскими элементами России, а одного из евразийцев даже привело к заключению, что татарское владычество было одним из счастливейших периодов в истории России. Иногда кажется, что евразийцы должны глубоко сожалеть, что для русских евразийцы и западные бесы — на одно лицо. Однако на практике весь этот ориентализм не привел к чему-то большему, чем перевод книги Трубецкого на

---

* Слова, принадлежащие Кошелеву (1806–1874), одному из старших славянофилов. — Примеч. Д. Мирского.

хиндустан, а вся реальная евразийская политика России направляется интернационалистами.

Третий и важный пункт в евразийской программе — это их отношение к революции. Они антиреволюционеры (иначе и быть не могло), и, однако же, они ослеплены блеском и силой ее пламени и едва ли не гордятся ею как одним из наиболее восхитительных актов самоутверждения русского народа. В евразийцах есть полубессознательная, мистическая вера в творческую энергию, во врожденные силы жизни, что сближает их с Бергсоном и с великим русским предшественником Бергсона — Герценом. Герцен вообще один из любимцев евразийцев. Не социалист Герцен, идол «Скифов», а пророк подсознательных жизненных сил России, человек, замороженный непостижимым и необъяснимым течением истории. Это противоречивое отношение хорошо выражено в словах предисловия к сборнику «Исход к Востоку»: «Смиряться перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаям лишь сознательно-злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восставшую на Бога и Церковь».

В евразийцах много романтизма. Есть в них также, как указал Струве, нечто морбидное⁵¹, что-то, что могло появиться лишь в тифозных бараках большевистской эры. Но в них есть и изрядная доля молодой витальности, явно животного духа, и того самого подлинного духа Катона, который столь примечательно отсутствует у национал-большевиков и который не примирится с поражением. Идеи евразийцев можно оценивать по-разному, но сам факт их появления симптоматичен: он означает, что жизненная сила интеллектуальной России не ослабела, а растет — и даже с большими притязаниями и большим самосознанием, даже в исключительно неблагоприятных условиях изгнания и рассеяния.

Опубл.: *Mirsky D.S. Russian Post-Revolutionary Nationalism // The Contemporary Review. 1923. № 124. P. 191–198.*

¹ См. об этом, например: [Агурский 1980].

² Левые эсеры покинули свои посты в Совнаркоме в марте 1918 г. в знак протеста против условий подписанного большевиками Брестского мирного договора. Тремя месяцами позже разногласия достигли пика и завершились в июле 1918 г. вооруженным выступлением левых эсеров против большевиков. Подробнее см.: [Фельштинский 1985].

³ Страсть к разрушению (*нем.*).

⁴ В 1842 г. Бакунин под псевдонимом Жюль Элизар (Jules Elizard) опубликовал в издании «левых» гегельянцев «Немецкий ежегодник наук и искусств» («*Deutsche Jahrbucher*») статью «Реакция в Германии» («*Die Reaction in Deutschland*»), которая завершалась словами: «Позвольте нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть и неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть» («*Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust*»).

⁵ 6 июля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве граф Вильгельм фон Мирбах (von Mirbach; 1871–1918) был убит левыми эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н. Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией. Подробно см.: [Велидов 1998; Хавкин 2006].

⁶ 30 июля 1918 г. германский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн (Eichhorn; 1848–1918), главнокомандующий группой армий «Киев», руководивший оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России, убит левым эсером Б.М. Донским.

⁷ 30 августа 1918 г. Фанни Ефимовна Каплан (Фейга Хаимовна Ройтблат; 1890–1918) стреляла в Ленина во время митинга на заводе Михельсона в Москве.

⁸ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР была создана еще 7 (20) декабря 1917 г., за восемь месяцев до покушения на В.И. Ленина. Большевики ответили на покушение (а также произошедшее в тот же день убийство М.С. Урицкого) красным террором. 2 сентября 1918 г. Я.М. Свердлов потребовал этого в обращении ВЦИК, и уже 5 сентября 1918 г. Совнарком утвердил решение своим постановлением. Подробнее см.: [Ратьковский 2006].

⁹ См. об этом, в частности: [Партия социалистов-революционеров 1989].

¹⁰ Больше роялист, чем сам король (*фр.*). Так в 1789 г. Людовик XVI с иронией назвал младшего брата Карла (графа д'Артуа). Слова вошли в поговорку.

¹¹ См. об этом подробно: [Леонтьев 2007].

¹² Вышло всего два номера в петроградском издательстве «Революционный социализм», первый в 1917 г. под редакцией Р.В. Иванова-Разумника и С.Д. Мстиславского, второй в 1918 г. под редакцией А. Белого, Иванова-Разумника и Мстиславского.

¹³ Издательством «Скифы» руководил в Берлине Евгений Германович Лундберг (1883–1965) с основания осенью 1920 г. до своего возвращения в Россию в 1924 г.

¹⁴ В издательстве «Скифы» выходили книги А. Блока, А. Белого, С. Есенина, Н. Клюева, А. Кусякова, А. Ремизова, Л. Шестова, Иванова-Разумника и др.

¹⁵ Вскоре после первой публикации поэмы Блока в газете ЦК партии левых эсеров (Знамя труда. 1918. 3 марта (18 февраля). № 147. С. 2) она была напечатана в журнале, выпускавшемся издательством левых эсеров «Революционный социализм» (Наш путь. 1918. № 1 (апрель). С. 1–12), рядом со статьей Иванова-Разумника «Испытания в грозе и буре». Затем вышла книгой в издательстве левых эсеров (см.: [Блок 1918]). Позже эта книга была перепечатана за рубежом под названием «Испытания в грозе и буре» (Берлин: Скифы, 1920). Подробнее см.: [Галанина 1998]. Поэму Блока переиздавали и евразийцы с предисловием П.П. Сувчинского (София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920).

¹⁶ В издательстве в серии «Русские мыслители» была издана, в частности, книга: [Герцен 1923].

¹⁷ Мишле Жюль (Michelet; 1798–1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии. Герцен дружил с Мишле, переписывался с ним.

¹⁸ Кине Эдгар (Quinet; 1803–1875) — французский историк, публицист и мыслитель, друг и союзник Мишле в общественно-политической деятельности. Также вел переписку с Герценом.

¹⁹ См., в частности, его работу «Федерализм, социализм и антиеологизм» (впервые опубликована на французском языке М. Неттлау в 1895 г. в первом издании сочинений М.А. Бакунина; на русском языке одиннадцатью годами позже: СПб.: Мысль, 1906; Лейпциг: А. Миллер, 1906).

²⁰ Эти мысли проводились «скифами» не только в статьях, но и в художественных произведениях, см., например, стихотворение Н. Клюева «Есть в Ленине керженский дух...» (1918).

²¹ Мирский переиначивает евангельскую притчу о мытаре и фарисее (Лк 18, 9–14).

²² Первой следует считать Добровольческую армию на Дону, которую создала «Алексеевская организация» 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.). За ней весной-осенью 1918 г. были созданы Донская, Сибирская, Северная белые армии.

²³ Государственный переворот (*фр.*).

²⁴ Советско-польская война продолжалась с января 1919 г. по март 1921 г.

²⁵ После разгрома денкинцев части Красной армии подошли к Закавказью, где была установлена советская власть весной 1920 г. в результате кратковременных боев (в Грузии) или вообще без единого выстрела (в Армении и Азербайджане). Отряды басмачей продолжали бороться вплоть до 1933 г.

²⁶ Врангель надеялся на взаимность и считал предательским мир, заключенный новообразованной Польшей с большевиками.

²⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), в Первую мировую войну командующий армией, а затем фронтом, с 1920 г. в Красной армии, глава Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами, в 1923–1924 гг. главный инспектор кавалерии РККА.

²⁸ Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) — русский правовед, философ, политический деятель, основоположник русского национал-большевизма, идеолог сменовеховства. С начала 1920 г. в эмиграции в Харбине. В статьях, опубликованных в первой половине 1920 г., призвал поражение

белого движения и предлагал использовать опыт победителей для возрождения России, см. его сборник «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Подробнее см.: [Романовский 2009].

²⁹ Здесь Мирский, цитируя, пропустил слова: «пусть это коробит».

³⁰ [Устрялов 1920]. Статья была включена в сборник Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Позже процитированный пассаж в несколько ином контексте вошел в статью знаменитого сборника «Смена вех» (Прага, 1921): [Устрялов 1921].

³¹ Дело победителей было угодно богам, но дело побежденных Катону (*лат.*) — фраза из поэмы Марка Аннея Лукана «Фарсалия» (I, 128). В переводе Л. Остроумова: «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону».

³² Г. Кайзерлинг (Keyserling; 1880–1946) писал о Катоне в брошюре «Entwicklungshemmungen» (Leipzig, 1909), позднее этот текст вошел в его книгу «Philosophie als Kunst» (Darmstadt, 1920). Кроме того, первая часть введения книги Кайзерлинга «Politik. Wirtschaft. Weisheit» (Darmstadt, 1922) озаглавлена «Catonentum».

³³ Военный путь (*лат.*).

³⁴ В сборник «Смена вех» (Прага, 1921) вошли статьи Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина, Ю.Н. Потехина.

³⁵ Одна из статей сборника так и называлась — «В Каноссу!» (см.: [Чахотин 1921]). Каносса (Canossa) — замок в Северной Италии (в 18 км от города Реджонель-Эмилия), у стен которого в январе 1077 г. отлученный от церкви и низложенный германский император Генрих IV простоял три дня в одежде кающегося грешника, добиваясь приема римским папой Григорием VII (гостем владелицы Каноссы маркграфини Матильды Тосканской). Выражение «идти в Каноссу» стало нарицательным обозначением унижительной капитуляции.

³⁶ Юрий Вениаминович Ключников (1886–1938) в ноябре–декабре 1918 г. занимал пост управляющего Министерством иностранных дел Российского правительства адмирала Колчака.

³⁷ Ежедневная газета «Накануне» была создана взамен еженедельного журнала «Смена вех» (1921–1922) и выходила в Берлине с 26 марта 1922 г. по 15 июня 1924 г. (№ 1–651) с несколькими приложениями («Иностранная жизнь», «Кинообозрение», «Литературная неделя», «Литературное приложение», «Экономическое обозрение»). Первоначально выходила под редакцией Ю.В. Ключникова и Г.Л. Кирдцова, а после возвращения Ключникова в Россию в августе 1923 г. управлялась редакционной коллегией. Подробнее см.: [Осипов 1994].

³⁸ Под редакцией А.Н. Толстого выходило «Литературное приложение» к «Накануне» с 30 апреля 1922 г. по 22 июля 1923 г. (№ 1–62).

³⁹ Государственность (*фр.*).

⁴⁰ Рим. 13, 1.

⁴¹ По поводу (*фр.*).

⁴² Во врангелевском Правительстве Юга России в апреле–ноябре 1920 г. П.Б. Струве занимал пост начальника Управления иностранных сношений (министра иностранных дел).

⁴³ По-видимому, речь идет о Русском национальном комитете в Париже, в котором П.Б. Струве был товарищем председателя в 1923–1927 гг.

⁴⁴ Политическая эволюция П.Б. Струве шла в ином направлении, см.: [Пайпс 2001].

⁴⁵ В Индии евразийцами (сокращение от европейцев-азиатов) называли потомков от смешанных браков англичан с индийцами.

⁴⁶ См. примеч. 4 к предыдущей статье.

⁴⁷ Культура, культурный мир (*нем.*).

⁴⁸ Запад (*нем.*).

⁴⁹ Здесь и далее см. примечания к предыдущей статье.

⁵⁰ В письме к И.С. Аксакову А.М. Кошелев писал: «Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» [Бердяев 1912, с. 22–23].

⁵¹ Скорее всего, Мирский имеет в виду статью П.Б. Струве «Евразийство» (По поводу сб. «На путях. Утверждение евразийцев». Кн. 11) ([Струве 1922, с. 376–377]), в которой Струве писал: «...“евразийство” не то что разложится — ему нечего и разлагаться, оно как духовное явление само есть разложение — оно кончится» [Там же, с. 376].

ДЕКАБРИСТЫ (14 (26) ДЕКАБРЯ 1825)

Легко предсказать, что напишет любая русская газета по случаю столетия восстания декабристов¹. Официальные публицисты коммунистической партии, воздавая декабристам ограниченную хвалу как первым, кто восстал против самодержавия, напомним пролетарскому читателю, что эти бунтовщики были землевладельцами и дворянами, что единственное, о чем они заботились, были классовые интересы мелкопоместного дворянства, и что их революционное значение ни в какой степени не сопоставимо с Разиным и Пугачевым. Эмигрантские социалисты и республиканцы будут безоговорочно полны энтузиазма в своих восхвалениях декабристов и оплачут жестокую иронию судьбы, увенчавшую начатую ими попытку коммунистической тиранией. Бывшие либералы, последователи Петра Струве, попытаются не замечать политическую сторону вопроса, но подробно остановятся на религиозном чувстве, патриотизме и родовитости декабрьских мятежников, столь непохожих на сомнительных революционеров последующего и недавнего времени. Комментарии реакционеров будут самыми незамысловатыми и простыми из всех. Они превознесут Николая I за несентиментальность, с которой он обошелся с Рылевым и Пестелем, и будут почтительно сожалеть, что его правнук не был столь же решителен с Милюковым и Керенским.

Что бы сказали сами декабристы, окажись они в состоянии наблюдать сегодняшнюю Россию? В одном можно быть уверенным: они бы не продемонстрировали единства. Все партии нашли бы среди них своих сторонников. Не сомневаюсь, что иные из них присоединились бы даже к тупоголовым зубрам крайне правых в своих панегириках Николаю I. Их было бы, однако, немного; большинство, вероятно, присоединилось бы к экс-либералам, глубоко возмущенным тем поворотом, который приняла революция. Значимое меньшинство, включая (убежден в этом) лучших — Рылеева, Якушкина, Батенькова, — сплотилось бы вокруг республиканцев, также презирующих нынешних правителей России, но не снисходящих до сожаления о прошлом. По крайней мере один или два (как, например, Пестель) с энтузиазмом присоединились бы к Ленину и Троцкому. При всем многообразии голосов ни один из них не изменил бы своей столетней юности. Дело в том, что декабристы были не партией или сектой; они были поколением. Они были, во всех смыслах этого слова, лучшей частью поколения, достигшего совершеннолетия во время наполеоновских войн и после них: все те в нем, кто слышал призыв гражданской чести и патриотического долга; все те, кто повиновался велениям благородного сердца; все те, кто, говоря словами рылеевского «Гражданина» (написанного в декабре 1825 г. за несколько дней до восстания), были «неспособны в объятьях сладострастья, / В постыдной праздности влачить свой век молодой / И изнывать кипящею душой / Под тяжким игом самовластья». Восемнадцать или пятнадцать лет назад никто из них даже не мечтал о вооруженном восстании против монархии; они нашли достаточно пищи для своей любви к славе и для своей деятельности на полях Эйлау² и Бородино. Многие из них воевали там, и всё еще были опьянены победой

в наполеоновских войнах. Они вернулись из захваченного Парижа, возвратив свободу народам Запада, — и нашли дома союз жестоких хулиганов, истеричных лицемеров и честных, но устарелых, выживших из ума стариков, навязывающих свою бесславную власть народу и армии, покорившим всю Западную Европу. Но дух был все еще силен в молодых людях, честолюбивых, одаренных и жаждущих улучшений. Сходные условия господствовали за пределами России и в других странах. Последние десять лет царствования Александра I были тем временем, когда Россия, в лице передовой элиты ее высших классов, была наиболее европеизированной и европейской. И декабристы не должны были быть изолированными от своих современников на Западе. Революции в Испании³ и Неаполе⁴, «Tugendbund»⁵ в Германии, заговоры против Бурбонов во Франции эпохи Реставрации⁶ — все они были связаны с армией и с образованной молодежью высших классов. Моделью для русских тайных обществ послужили такие же общества в Германии и Италии, и одушевлявшее их настроение было тем же самым. Всё, что было активного и живого в молодом поколении, группировалось вокруг тайных обществ. Было невозможно обладать чувством чести и не вступить, или не попытаться вступить, в них. На поэтическом языке того времени слово «честь» неизбежно употреблялось в смысле «революционного долга». Дух тайных обществ одушевлял поэтов того времени. Из крупных литературных деятелей в стороне от них держались лишь совершенно далекие от политики, как патриархальный и безмятежный Аксаков и метафизический Баратынский. Величайшие умы поколения — Чаадаев, Пушкин и Грибоедов — были заодно с тайными обществами. Если их не было на Сенатской площади в день Св. Филимона⁷, то лишь по чистой случайности.

Декабристы были обществом молодых людей. А от молодых людей, как правило, не много пользы в политике, когда они действуют на собственный страх и риск. Молодые люди — это ценный актив в революционной работе, но лишь тогда, когда ими руководят старшие и опытные люди. У декабристов не было никого, кто бы направлял их. История заговора и восстания 14 декабря душераздирающая, поскольку бестолковость и неумелость заговорщиков и бунтовщиков была невероятной. Еще более душераздирающей была беспомощность восстания Черниговского полка на Юге, его поход на Киев и его уничтожение правительственными силами⁸. Революционеры погубила не только их молодость, но и недостаток сплоченности. Они не знали, чего хотели. Они были объединены отрицанием, моральным импульсом, сильным, но смутным чувством долга — долга сокрушить деспотизм аракатеевых, но не программой и позитивным идеалом. Единственным из них, имевшим четкую идею того, что он хотел, был Пестель, но Пестель был слишком радикален для большинства из них; они боялись его идей и не доверяли ему как человеку.

Была ли возможной победа декабристов при каких-либо обстоятельствах? Более чем вероятно. С большей сплоченностью они бы легко одержали верх 14 декабря. Семья Романовых была невелика, чтобы легко ее уничтожить; ее гибель дезорганизовала бы правительство и вызвала бы смятение в армии; средние и низшие городские классы были определенно сочувствующими; крестьяне были

равнодушны. Но победа восставших также вполне определенно вскоре привела бы к хаосу и анархии, и — за исключением того, что каким-то чудом Ермолов⁹ или кто-то другой оказался бы «Наполеоном» — революция достигла бы апогея во всеобщей жакерии и быстром низвержении всего социального порядка — удесятеренном восстании Пугачева или большевистской революции без направляющих ее марксистов.

Но все это могло случиться лишь в том случае, если бы бунтовщики не были теми, кем они были. Поражение было для них единственно возможным.

В обращении с декабристами Николай I продемонстрировал поразительное отсутствие чувства реальности, иными словами — чувства юмора^{*}. Он преувеличивал фактическое и недооценивал скрытое значение восстания и восставших. Во всем их поведении было патетическое противоречие между их благородным и высокоморальным стремлением и их практической и политической несостоятельностью. В самом восстании присутствовали все элементы комедии. Если бы Николай заметил это, он одержал бы победу, которая смогла бы изменить русскую историю, он оказался бы гениальным политиком, которым он — к счастью или несчастью (я думаю, к счастью) — не являлся. Поведение Николая было провалом не столько политика, сколько человека. 14 декабря он столкнулся со Страхом. Все его обращение с побежденными бунтовщиками было продиктовано злобой против тех, кто сделал его трусом. В суде над декабристами он, с подлинно шекспировским чутьем, играл роль победившего труса. Основные факты суда слишком хорошо известны, чтобы напоминать о них¹¹. Они являются самым мрачным и подлым позором на памяти русской монархии. Они оказывают наиболее устойчивое влияние, работающее против доброго имени династии.

У Николая была возможность превратить все дело в комедию, он предпочел сделать из этого трагедию. Единственным итогом оказалось лишь подчеркивание соответствия противоположностей. Юмористический и, так сказать, государственный подход к делу мог бы более жестоко преуменьшить значение восставших, чем все ужасы суда. Их мученичество выявило основополагающий факт — внутреннее превосходство побежденных, неразумных, неумелых декабристов над самонадеянными победителями; их превосходство, в свете важнейших и долговременных ценностей, над теми, кто не с ними^{**}.

Процесс был первым действием царствования, чье убожество и моральная ничтожность беспримерны в истории, царствования, которое сделало неизбежным и непоправимым раскол между монархией и лучшей частью нации и отметило печатью трагическую судьбу Романовых.

* Чувство юмора, говорит У.П. Кер¹⁰, заключается в способности думать в данный момент больше чем об одной вещи. — *Примеч. Д. Мирского.*

** Поведение некоторых (не всех) декабристов во время процесса, их отречения и признания бросают тень на их моральные достоинства не больше, чем отречение Галилея на суде. Хотя юридические инструменты и несколько отличались друг от друга, условия суда были в обоих случаях одинаковы. В любом случае, *последующее* поведение приговоренных декабристов было великолепным «*errur si tiuove*» («и все-таки она вертится», *итал.*). — *Примеч. Д. Мирского.*

Суд и то, что за ним последовало, создали легенду о декабристах, которая в России стала действенной всего остального в поднятии морального и поэтического престижа революционного движения и в придании ему почти религиозной поддержки¹. Самым главным было *единодушие* общественного настроения по поводу декабристов; независимо от политических предубеждений, все были зачарованы светящимся нимбом над головами первых революционеров, и никто не отказывался уважать их моральное превосходство. Это была единственная неизбежная поэтическая справедливость.

Помимо своей легенды, декабристы оказали мало влияния на последующее развитие русского революционного движения. Первая половина царствования Николая I была одним из критических периодов русской истории, когда были брошены старые традиции и возникли новые. Как и Пушкин, декабристы принадлежали к старому строю русского общества, предшествующему Белинскому, и — так же как Пушкин — они выжили в новой эпохе лишь в форме мифа. Миф этот был весьма значителен, но связь с поддерживавшими его историческими фактами и идеями, одушевлявшими эти факты, была утрачена. Новая революционная традиция выросла из движения тридцатых и сороковых годов, которые не были связаны с декабристами. Душой нового движения был социализм, и само движение не испытывало какого-либо осязаемого влияния восстания декабристов. Лишь благородный дух, двигавший декабристами, не был мертв, и тот же самый дух снова ожил в народниках семидесятых годов. Это тот самый дух, который всегда ценен, как душа декабристского движения: та *multa pars*¹³, которая избегает смерти и становится самым лелеемым наследием нации.

В современном мире есть лишь одна религия — культ успеха. Но есть ценности выше, чем успех; и всеобщее и сверхнациональное значение русского революционного движения в том, что он сделал особое ударение на этих ценностях и усилил их в глазах идолопоклонников успеха. Политическая неудача декабристов очевидна. Не потому лишь, что они не управляли ситуацией; они даже не заслуживали успеха. Победа была бы для них худшим из поражений. И однако же мы не можем отметить единодушный приговор потомства, поставившего их на одно из самых высоких мест в глазах нации. Нас восхищает в них высокое побуждение, двигавшее ими. Они остаются — и останутся — чтимы в нашей памяти, потому что в своих жизни и смерти они защищали вечную правду свободного духа против растительных сил лени и эгоизма, этой сердцевины социального консерватизма.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Decembrists (14 (26) December, 1825) // The Slavonic Review. 1925. Vol. 4, № 11. P. 400–404.*

¹ Прогноз Мирского оказался верным: посвященные декабристам газетные статьи в разных русских станах вышли примерно такими, как он описал.

¹³ Героическое поведение жен декабристов, конечно, очень сильно способствовало усилению престижа ссыльных. Но одного этого было бы недостаточно; равный по силе героизм княгини Натальи Долгорукой¹² в правление Анны также превратил ее в одну из благороднейших фигур русской истории, но не смог способствовать тому, чтобы в Долгоруких видели нечто большее, чем предмет трагической жалости. — *Примеч. Д. Мирского.*

² Под Прейсиш-Эйлау (с 1946 г. Багратионовск Калининградской обл. России) 7–8 февраля (26–27 января) 1807 г. произошло генеральное сражение между русской и французской армиями, признанное самым кровавым в русско-пруско-французской войне 1806–1807 гг.

³ Речь об Испанской революции 1820–1823 гг. В январе 1820 г. оппозиционно настроенные офицеры во главе с полковником Рафаэлем Риэго подняли полк близ Кадиса, выступив против короля, арестовали верных ему генералов. Восстание охватило всю страну. 9 марта 1820 г. король вынужден был объявить о восстановлении конституции 1812 г. Революция была задушена три года спустя: с санкции держав Священного союза в апреле 1823 г. в Испанию вошли французские войска, и к осени абсолютистский режим был восстановлен.

⁴ Революция в Неаполитанском королевстве началась 2 июля 1820 г. восстанием карбонариев в Ноле, охватившим вскоре Авеллино и Неаполь. Руководил повстанцами генерал Г. Пепе. Здесь события развивались быстрее, чем в Испании. Революция не продержалась и года, уже в марте 1821 г. она, опять же с санкции Священного союза, была подавлена войсками австрийских Габсбургов.

⁵ «Союз доблести» (*нем.*) — патриотическое общество, основанное в Кёнигсберге в апреле 1808 г. для восстановления духа нации после поражения от войск Наполеона (а также восстановления утраченного статуса Пруссии). 31 декабря 1809 г. закрыто указом короля Пруссии Фридриха Вильгельма III по требованию Наполеона.

⁶ Заговоров против Бурбонов было много, их готовили тайные республиканские общества, карбонарии, масоны, иезуиты, бонапартисты (нередко совместно или прикрывая одно другим). Были и попытки восстаний (в частности, восстание карбонариев 1822 г.), но они не добились успеха. В 1825 г. Эжен де Монглав и Проспер Шала выпустили книгу «История заговоров иезуитов против династии Бурбонов во Франции».

⁷ 14 декабря Русская Православная церковь чтит память святого мученика Филимона, жившего в Египте на рубеже II и III вв. и принявшего смерть за веру при императоре Диоклетиане.

⁸ См. об этом: [Киянская 1997].

⁹ Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) в период формирования декабристского движения командовал боевыми действиями на Кавказе: с 1823 г. в Дагестане, а в 1825 г. в Чечне.

¹⁰ Кер Уильям Пэйтон (Ker; 1855–1923) — шотландский филолог и эссеист. Источник цитаты в опубликованных сочинениях Кера найти не удалось.

¹¹ Ко времени написания Мирским статьи многие материалы уже публиковались: [Процесс декабристов 1905]. Но более полное научное издание лишь начинало издаваться: [Восстание декабристов 1925–1986].

¹² Графиня Наталия Борисовна Шереметева (в замуж. княгиня Долгорукая; 1714–1771), обрученная с фаворитом Петра II князем И.А. Долгоруким, после воцарения Анны Иоанновны не оставила своего впавшего в опалу жениха, обвенчалась с ним и отправилась вслед за ним в ссылку в Берёзов. После казни мужа 8 ноября 1739 г. по обвинению в государственной измене приняла постриг под именем схимонахини Нектарии.

¹¹ Большая часть (*лат.*).

УКРАИНА

Украинские националисты используют понятия «Украина» и «украинская» для обозначения всей территории, полностью или большей частью населенной юго-западной ветвью русского народа. Альтернативные названия для этой ветви — «русинская» (*Ruthenian*) или «малороссийская». Первое (латинское обозначение русских) используется поляками, австрийцами и Римско-католической церковью. Оно собственно применяется к той части населения, которая до 1918 г. была под австро-венгерской властью. «Малороссы» было и официальным, и просторечным русским выражением, используемым всеми теми русскими и находящимися под их влиянием иностранцами, кто был враждебно настроен к идеям украинского сепаратизма. Украинским националистам это обозначение отвергати-

тельно. Таким образом, взятая в самом широком значении, Украина включает в себя — помимо тех русских земель, что образовали сначала независимую, а потом советскую Украину, — следующие территории: 1) часть юго-восточной Польши (Холм); 2) всю восточную Галицию; 3) северную Буковину и северную Бессарабию (Хотин); 4) бывшую «Угорскую Русь» (ныне — автономная область Чехословакии); 5) те части Российской империи, которые никогда не входили в состав независимой Украины, но имеют преобладающее украинское население (в первую очередь — территория кубанского казачества).

Украина, в нынешнем официальном значении этого понятия, имеет площадь 218 000 квадратных миль и население (согласно последним надежным оценкам 1913 г.) 33 млн чел. Это исключительно богатая в сельскохозяйственном отношении территория; почти целиком это — плодородный чернозем. Киевская и Харьковская губернии — центры сахарной промышленности, где сравнительно редки засухи, обычные для территорий к востоку от этих земель. Земля также богата минеральными запасами — углем Донецка и железной рудой Кривого Рога. На Украине есть четыре города с населением свыше 200 тыс. чел. (в Российской империи таких городов было всего девять) — Киев и Одесса (население каждого — свыше 600 тыс. чел.), Харьков (300 тыс. чел.) и Екатеринослав (250 тыс. чел.). В Подолии, Киеве и Полтаве плотность населения достигает 200 чел. на квадратную милю (самая большая плотность по всей России). В целом же Украина была во многих отношениях наиболее процветающей и прогрессивной частью Российской империи. Население Украины включает 70 % украинцев, 13 % великороссов, 9 % евреев, 2 % поляков и 6 % представителей других национальностей.

Что касается вопроса о языке, то не составляет труда различать язык великорусский и малороссийский. Можно, однако, спорить, достаточно ли велика разница между двумя братскими наречиями, чтобы применять понятие «язык» к каждому из них, или же они лишь два диалекта одного языка, литературная форма которого стала московским диалектом. Можно сказать, что это лишь вопрос названия. Однако использование понятий «украинский язык» или же «малороссийский диалект» — это та метка, которая отличает приверженцев независимой Украины от сторонников Великой России. В 1905 г. Российская академия наук в оппозиционном припадке постановила, что украинский — это язык¹. Но предположение, что эта проблема может быть решена «научно», само по себе — ненаучный вопрос.

Три основные ветви русской языковой группы — великорусская, белорусская и малороссийская — находятся между собой в разных отношениях. С чисто лингвистической точки зрения белорусская ветвь столь мало отличается от великорусской, что едва ли может считаться хотя бы диалектом. Фонетическая разница между речью в Минске и Рязани меньше, чем между речью в Рязани и в Архангельске. Однако, с другой точки зрения, если мы исследуем различные культурные влияния на эти две ветви, разница окажется весьма велика. Сильное польское влияние, явно ощутимое в белорусской лексике, отсутствует в лексике великорусской. И именно это, а не просто различие в произношении, столь рез-

ко очерчивает границу белорусской ветви; она совпадает с границей Польши до эпохи разделов². Эти факты должны привести нас к поиску истоков нынешних политических обстоятельств не в распространении диалектов, а в политическом прошлом различных территорий. И это как раз случай Украины.

В X–XI вв. русская нация образовала ощутимо однородное единство. В великих бедствиях XIII в. значительная часть этого единства была утрачена, но общее имя осталось и до сего дня используется всеми русскими в любом месте, где они граничат с другими нациями, от Камчатки до Венгрии. На протяжении XIII–XV вв. возникли новые политические комбинации, и русская территория оказалась разделена на множество разнородных частей. Север и восток к 1500 г. были объединены неустанными трудами московской династии. Западная граница Московии около 1500 г. — это нынешняя граница распространения великорусских речи и обычаев.

Два широко распространившихся движения спасли душу и будущность Украины. Средние городские классы создавали независимые братства³ для защиты веры своих отцов, преданных погрязшими в симонии⁴ и обмирщенными священниками времен литовского господства⁵. Это могущественное движение породило великое церковное возрождение, оживившее и воскресившее умирающую киевскую церковь и сыгравшее ведущую роль в создании современной общероссийской цивилизации в конце XVII — начале XVIII в. В это же самое время казаки — группы разбойников и первопроходцев, вызванных к жизни растущим угнетением со стороны польских помещиков и внезапным возрождением авантюрного духа, бывшего мертвым с XII в., — возглавили народ в его борьбе против ненавистной тирании поляков. Борьба велась во имя православной веры против папистов и евреев и во имя казачьей и крестьянской свободы от польского помещика и еврейского трактирщика. Поначалу это было совершенно спонтанное и народное движение. Его активными застрельщиками были собственно казаки, жившие вдоль польской границы и за ней, у днепровских порогов. Но эти казаки пополнялись беглыми крепостными из всех русских областей Речи Посполитой. Они даже не ограничивались Малороссией; Наливайко⁶, один из первых казачьих вождей, был по рождению белорусом. Движение получило поддержку всего православного населения Польши. Оно было русским, православным и отчетливо демократическим. Именно тогда название «Украина» получает заметное распространение. «Украина» же означает всего лишь пограничье, пограничную полосу.

Казачьи возмущения достигли высшей точки в 1648 г. во время восстания под руководством Богдана Хмельницкого, который после ряда блестящих успехов понял, что не может справиться с организованным сопротивлением всего воинственного польского дворянства и, вопреки своему желанию и воле своих заместителей, принес присягу Москве. Украина вошла в состав Московской империи как автономная и привилегированная область. Это объединение не было вполне удачным, однако антипатию, которую многие бояре испытывали к казакам, незачем воспринимать как доказательство большой разницы между двумя ветвями русской нации. В первую очередь речь идет о несовместимости высокоспециализированной бюрократической и по сути своей аристократической организации

Московского царства с казацкими демократическими институтами. Такого же рода трения случались везде, где московские бюрократы приходили в соприкосновение со свободно организованными общинами, такими как чисто великорусские казаки на Дону и Яике. За присягой Москве (1654) последовал бесславный и разрушительный период, длившийся почти тридцать лет, во время которого московские политики демонстрировали одно за другим доказательства своей неспособности и близорукого консерватизма, а казацкие вожди показали себя вероломными и переменчивыми до почти неправдоподобной степени, попеременно примыкая то к Москве, то к Польше, то к Турции и приведя свою страну на край гибели.

В результате всего этого Волынь, Подолье и Галиция остались жертвами польского угнетения, и только Полтава, Киев, Чернигов образовали автономную область под московским сюзеренитетом, управляемую гетманом, выбиравшимся сначала всеобщим голосованием, а позднее — лишь казацкими полковниками и старшинами. Золотым веком этой украинской автономии стало правление Мазепы (1688–1708). После этого настал черед трагического восстания Мазепы, который, будучи по крови поляком и имея приверженность Польше, надеялся создать для себя и своих наследников украинское королевство. Мазепу поддержала группа, включавшая в основном недавно образованную военную аристократию, прельщенную польским олигархическим строем и действовавшую в авантюристской манере прежних казаков. Измена Мазепы стала смертельным ударом для сердечных отношений Петербурга и Украины. Но за этим последовало предательство с российской стороны — злополучный *Zgin*⁷ 1714 г., когда Петр Великий распорядился уступить всю территорию Украины к западу от Днепра Польше, чей король был тогда союзником Петра, и худшие формы польского угнетения опять вернулись в несчастные районы Канева, Чигирина, Черкасс и Умани. Урезанная территория гетманщины стала всего лишь незначительной провинцией. Казацкие демократические институты вскоре уступили место новорожденной аристократии, что открыло путь для русского дворянства. В 1764 г. автономия Малороссии была официально упразднена; несколькими годами позже поселение за днепровскими порогами (Запорожская Сечь) было уничтожено (1775).

Процесс ассимиляции неуклонно продолжался на протяжении XVIII–XIX вв. Он не был полностью односторонним, поскольку киевская цивилизация, во многих отношениях превосходящая московскую, оставила неизгладимый отпечаток на многом из того, что с тех пор стало нормативным русским литературным языком. В XVIII в. украинские прелаты, чиновники, придворные, поэты и художники были весьма уважаемыми лицами в Петербурге. Украинское дворянство быстро усвоило общероссийские манеры и привычки и немало выиграло от екатерининского законодательства, поддерживающего дворян. Духовенство следовало дворянскому примеру. Народ отставал, и это очень важно отметить, поскольку разница между украинцами и великороссами (если и не племенная, то, по крайней мере, в обычаях и речи) в иных местах имела тенденцию становиться разницей между дворянином и крестьянином, что придавало украинскому национализму отчетливо демократический и революционный характер. Но уравнительные вли-

жизни современной жизни действовали и на простой народ; школа, воинская повинность, работа в городах и горнодобывающих центрах способствовали тому, чтобы украинец все меньше и меньше ощущал свою отчужденность и все лучше усваивал общероссийские правила и манеры поведения.

Древний революционный дух казаков и украинских крестьян в последний раз проявил себя в ужасной вспышке 1768 г., когда крестьяне Чигирина, Черкассы и Умани восстали против своих польских помещиков и были подавлены лишь с помощью российского войска⁸. Но с этого времени и до 1918 г. (когда украинские крестьяне тех же самых районов восстали против немецких оккупационных войск) весь украинский национализм и оппозиционность сосредоточились в литературных и интеллектуальных кругах.

До 1798 г., когда Котляревский опубликовал свою пародию на «Энеиду»⁹, на Украине не было литературы. Правда, с конца XVI в. в среде южнорусского духовенства в Киеве и в Львове (Лемберге) была довольно активная литературная деятельность, но их язык был макаронической смесью церковнославянского и польского, с единственным исключением в виде народного и разговорного элемента, как будто авторы не могли воздержаться от потворства этому. Но ближе к концу XVIII в. нормативный русский язык стал в Южной России, по сути, языком цивилизации. Многие украинцы сыграли выдающуюся роль в истории русской литературы в конце XVIII в. и начале XIX в. Наконец, Гоголь (1809–1852), сельский дворянин из Полтавы, получил национальную и международную известность как один из величайших русских писателей. Вне всякого сомнения, Гоголь — величайший гений, рожденный на украинской земле. Тот факт, что он писал на имперском языке, а не на своем местном диалекте, является одной из сильнейших культурных скреп между Великороссией и Малороссией и источником уныния для крайних украинских националистов.

Но еще до смерти Гоголя возникло и заявило свои права литературное движение, давшее украинскому языку законное право на признание и уважение. Движение было инициировано группой провинциальных дворян, интересовавшихся самобытностью своей области и знакомых им обычаям и речи. У некоторых из этих деятелей, как, например, у Квитки¹⁰, был талант, но никому из них не было дано выйти за очень тесные границы того, что по-немецки называется «Heimatkunst¹¹»; их интересы были чисто этнографическими. Внезапно внутри этой безмятежной и провинциальной литературы появился молодой человек, чей талант далеко превосходил все прочие и происходил из совершенно другой среды. Тарас Шевченко (1814–1861) был крепостным. Он родился в Киевской губернии и получил волю, будучи уже взрослым человеком и проявив себя как поэт. Ненависть к деспотической московской бюрократии и помещикам-крепостникам сочеталась в нем с пылкой и страстной любовью к свободе и славным крестьянским традициям. Он был уроженцем страны, давшей наибольшее количество участников казачьих восстаний, страны, в которой традиция вооруженного бунта была еще жива. Шевченко отбросил все износившиеся традиции литературного провинциализма и обратился к живому источнику народной поэзии. Ему удалось создать поэзию,

эпическую и лирическую, тесно связанную со стихийной песней украинской деревни, но вместе с тем полную подлинной оригинальности. Шевченко был поэтом с ограниченным кругозором, и когда в поздние годы он пытался обратиться к более широким и не столь узконациональным темам, результат оказался достойным сожаления. Но его ранняя патриотическая поэзия драгоценна, и вполне естественно, что все, кто любит Украину и украинское, преувеличивали значение Шевченко и превратили его в символ национальной независимости и собственной правоты. Шевченко — это призывный клич для всех украинских националистов, и первое, что делают украинцы, когда приходят к власти, это развешивают портреты Шевченко во всех школах, почтовых отделениях, сберегательных кассах, железнодорожных станциях, до которых могут добраться.

По сути, у Шевченко не было преемников. Все богатство его народных ритма и речи было утрачено русско-украинскими писателями конца XIX в. После Шевченко литература мало сделала для утверждения украинской идеи и для того, чтобы внушить народу любовь к ней. Самый известный сегодня украинский писатель, Винниченко¹², о котором я буду подробнее говорить позже, — второразрядный ученик школы Горького, Андреева и Арцыбашева, а поэты вроде Чупринки¹³ или Тычины¹⁴ — немногим больше, чем провинциальные парафразы Бальмонта, Блока и Есенина.

Но в 1860-х гг. в Восточной Галиции возникло литературное движение, быстро привлекавшее к себе все крайние элементы российской Украины и ставшее тараном воинствующего антироссийского украинизма. В течение столетий литературным языком объединенных русинов Галиции был макаронический церковнославянский Киева и Львова. В XIX в. он обнаружил тенденцию к сближению с нормативным русским литературным языком, однако это было не в интересах ни Габсбургской монархии, ни польского большинства Галицкого сейма, ни проримского духовенства греческого обряда. Движение против языкового единства началось в 1860-х гг. и быстро сделало успехи. Этому много способствовала политика преследования литовско-русских книг, начатая российским правительством в 1860-х гг. Многие украинские энтузиасты эмигрировали во Львов, и Галиция превратилась в то, что и друзья, и недруги называли «Украинским Пьемонтом»¹⁵. Наиболее выдающийся из числа этих эмигрантов, проф. Грушевский¹⁶, и плеяда местных писателей занялись созданием нового литературного языка, который должен был как можно сильнее отличаться от нормативного русского языка. Речь жителей Галиции намного более пронизана полонизмами, чем любая другая южнорусская речь. Но, помимо этого, там, где народному языку не хватало слов, новые языкотворцы придумывали новое слово неизменно по польскому образцу, создавая, таким образом, научную и культурную лексику, непонятную для русских или воспитанных на русском языке украинцев. Этот язык был принят австрийским правительством как один из *Landessprachen*¹⁷ империи. Его преподавали в школах, и в Львовском университете, где этот язык стал языком высшего образования, были даже учреждены соответствующие профессуры. В России украинцы-радикалы, чтобы сохранить связь со своим «Пьемонтом», тоже изучали новый язык, и некоторые из них преуспели в том, чтобы сравнительно легко им пользоваться.

Российское правительство наблюдало за украинским движением с явным недовольством. Но, как и в остальных случаях, принятые меры были и недостаточны, и неумны. В 1876 г. был издан указ¹⁸, согласно которому полностью запрещались украинские книги, напечатанные по новой фонетической орфографии Кулиша¹⁹, и даже издание книг с традиционной орфографией не одобрялось. Указ стал одной из основных причин сосредоточения в Галиции украинских националистов и их согласия с Австрией в ее антирусской политике. Но российское правительство не могло предотвратить распространение украинских идей в той самой среде, где они, вероятно, и были наиболее опасны — среди сельской *интеллигенции*, класса, известного как «третий элемент»*, в особенности же — среди деревенских учителей. Именно они, так же как другие группы полуобразованного сельского или провинциально-городского населения — фельдшеры, мелкие чиновники и — до определенной степени — сельское духовенство, в итоге и стали главными поборниками украинской идеи. Их возглавляло весьма ограниченное количество интеллектуалов дворянского происхождения, в основном писателей, журналистов и университетских преподавателей. Их центром был Львов, но и в южнорусских университетах было множество украинофилов более умеренного толка.

В первый период войны признаков украинской смуты не было, несмотря на усилия австрийского Генштаба. Но после начала революции все скрытые разрушительные и центробежные силы вышли на поверхность, и тут же заработала украинская пропаганда. Проф. Грушевский организовал в Киеве «Раду», которая начала переговоры с Временным правительством, то есть — с кадетами. Временное правительство снизошло до того, чтобы обращаться с Радой как с ровней, но при этом шло только на уступки. В июне 1917 г. в Киеве было подписано соглашение, от имени Временного правительства — Терещенко (сам богатый украинский землевладелец) и Церетели (грузинский социалист), от имени Рады — Грушевским. Согласно условиям соглашения, пять губерний — Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (кроме четырех северных уездов) — были признаны составляющими территорию автономной Украины²⁰. Украинцам было разрешено создавать в армии «национальные» части (что они начали делать уже до подписания соглашения). Но введение в действие пункта об автономии было отложено на неопределенный срок. Временное правительство, по своему обыкновению, уступило достаточно, чтобы продемонстрировать свою слабость, и остановилось как раз там, чтобы вызывать недовольство. Украинцы не были удовлетворены, и всю вторую половину 1917 г. они поддерживали большевиков, обещавших признать самоопределение Украины. Однако вопроса о независимости еще не стояло, предмет украинских желаний ограничивался полной автономией и федерацией с Великороссией.

Украинская пропаганда активно действовала и в армии, и в сельских местностях. В этом особо отличился человек, впоследствии приобретший громкую и дурную славу. Это Семен Петлюра, в начале революции служивший фельдшером. На

---

* Выражение «третий элемент» означает, что эти сельские интеллигенты пришли третьими в сельскую местность, где до того было лишь два «элемента» — крестьяне и помещики. — *Примеч. Д. Мирского.*

селе пропагандой занимались в основном украинские социалисты-революционеры и социал-демократы. Обе эти партии усвоили самые крайние формы аграрного социализма и в большинстве социальных вопросов шли рука об руку с большевиками. Единственная разница в их программах заключалась в том, что украинские социалисты настаивали на исключительном праве украинского крестьянства на все частные земли внутри Украины, тогда как большевики не высказывались по этому вопросу. Однако украинцы очень стремились усидеть на двух стульях. Они требовали признания прав Украины на всю азиатскую часть России, которая, таким образом, стала бы неким российско-украинским *кондоминиумом*; вот почему украинцы стремились не к полной независимости, а к федерации, в которой Великороссия и Украина имели бы равные права. Во время выборов во всероссийское Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) нельзя было предугадать, за кого будут голосовать крестьяне — за украинских социалистов-большевиков или же за российских социалистов-революционеров. Для несведущего в выборах человека эта разница была едва заметна, и результаты на местах зависели от счастливых случайностей, таких как красноречие того или иного кандидата или выборщика.

Однако до выборов произошел большевистский *coup d'état*²¹ 7 ноября (по новому стилю) 1917 г. Украинские социалисты не испытывали сильной антипатии к большевизму и поначалу не заняли ярко выраженной враждебной позиции. Но они предвидели распад России и решили воспользоваться неограниченным правом на самоопределение, провозглашенным большевиками. Однако большевики были либеральны лишь в теории. Они признали независимость Украины (как они признают ее и по сей день), но они не могли терпеть «буржуазную» Украину. Большевики требовали, чтобы она стала советской республикой. Украинские социалисты не могли уступить в этом без того, чтобы не поссориться со своими более умеренными союзниками, среди которых были и наиболее выдающиеся украинские ветераны, например, Грушевский. Поэтому большевики начали военные действия, в которых их главным преимуществом было присутствие большого количества вооруженных масс недалеко от линии фронта и в лагерях военнопленных.

Местные антибольшевистские правительства на Юге (Рада в Киеве, Круг в Новочеркасске, Рада в Екатеринодаре, Меджлис в Симферополе, Сфатул-Цэрий (Sfatul-Tării) в Кишиневе) пытались заменить явно устаревший великорусский патриотизм новорожденным местным патриотизмом и противопоставить его большевистскому интернационализму. Почти все эти правительства состояли из социалистов-революционеров, которым представлялось, что лишь их программа может соперничать с большевистской. Фронт был оставлен немцам, большевики же бросили все доступные им силы на раскольников-южан. Соотношение сил было явно неравным. Всё, что было жизнеспособного и энергичного, находилось на стороне большевиков, где латышские батальоны, отряды матросов и диверсионные отряды красногвардейцев под командованием головорезов и авантюристов вроде Муравьева²², Сорокина²³, Антонова²⁴ и Дыбенко²⁵ действовали вполне успешно — и с ужасающей жестокостью. Украинскую Раду поддерживало некоторое количество энтузиастов-укаинофилов, немногочисленные авантюристы, разыгрывавшие антибольшевистскую карту, и воздерживавшееся от политики офицерство, считав-

шее своими долгом любой ценой противостоять большевизму. Но в украинском вопросе все они были не особенно ревностны; огромное большинство армейских офицеров оставалось нейтральным. Военная кампания оказалась весьма краткой. В начале февраля 1918 г., после десятидневного артобстрела, Киев был взят большевиками; украинская Рада и ее аппарат бежали в Житомир. За этим последовала чудовищная бойня, жертвами которой стали в основном офицеры российской армии, не принимавшие участия в военных действиях. Такие же события произошли и во всех остальных южнорусских губерниях (особенно ужасной была резня в крымских портах²⁶), все местные правительства были сметены. В одной лишь Бессарабии большевики потерпели неудачу: румыны, при австро-немецком попустительстве, воспользовались случаем и прибрали к рукам эту местность²⁷.

Рада во время своего бегства в Житомир обратилась за помощью к немцам. Был подписан договор, по которому Центральные державы признавали независимость Украины и обязывались поддерживать Раду в ее борьбе с большевиками. Взамен Рада должна была подчиниться военной оккупации всей территории Украины, а немцы получали права экспортировать столько зерна и иного продовольствия, сколько им требовалось²⁸. Большевики также, по Брестскому договору, признали независимость Украины. Но они сформировали Украинское советское правительство, формально независимое, которое продолжало военные действия против Рады и ее союзников, австро-германских войск. Кампания генерала Эйхгорна против советских украинцев была короткой и нетрудной²⁹. В начале марта 1918 г. Киев был занят немцами, и к концу апреля вся территория Украины была очищена от красных. В этой кампании всю работу сделали немцы. Украинским войскам досталась чисто орнаментальная роль; с военной точки зрения их нельзя было принимать в расчет. Таким образом началось существование «независимой Украины».

Первоначально правительство находилось в руках Рады, которая приняла весьма передовую демократическую конституцию, с гарантиями прав меньшинства и пр. Единственным недостатком конституции является то, что она никогда не была введена в действие. Был провозглашен аграрный закон, согласно которому вся земля должна была перейти в руки крестьян, но и он не был осуществлен на практике. Немцы, заняв Киев, сразу увидели, что какое-либо сотрудничество с украинскими социалистами невозможно: большей частью это были полубольшевики. Более умеренные имели мало влияния, а все вместе они не имели никакого политического опыта. Между тем в среде собственников возникло движение, нашедшее выражение в Конгрессе хлеборобов в Киеве (конец апреля)³⁰. На конгрессе были представлены все землевладельцы, большие и малые, в том числе и крестьяне-единоличники*, происходившие из бывших казаков и весьма многочисленные в Полтавской и Черниговской губерниях. Конгресс провозгласил генерала Скоропадского³¹ гетманом Украины. *Coup d'état* был признан немцами, а Рада распущена.

Скоропадский был богатым полтавским землевладельцем, потомком гетмана³² (1709–1722), флигель-адъютантом покойного императора и генералом Генерального штаба, принимавшим участие в 1917 г. в создании украинских «нацио-

* Т. е. крестьяне, владеющие собственностью, не входящей в сельскую общину. — Примеч. Д. Мирского.

нальных» частей. Лишенный каких-либо талантов, Скоропадский стал простой игрушкой в руках немецкого командования и — одновременно — могущественных «хлеборобов». Социалисты и передовые националисты должны были оставить свои должности (за исключением Министерства иностранных дел, где они на протяжении всего времени играли ключевые роли), и гетман столкнулся с трудностью: сформировать украинское правительство без украинцев, поскольку было чрезвычайно трудно найти сторонников независимой Украины, которые не были бы социалистами. Правительство гетмана не устраивало никого, за исключением, быть может, малого числа крестьян-земледельцев в Полтаве и Чернигове. Однако многими правительство Скоропадского воспринималось как наименьшее из всех возможных зол: украинцами — поскольку предлагало видимость независимости, помещиками (которые большей частью были русскими националистами) — поскольку подтвердило их право владеть землями, средними классами — поскольку в любом случае было предпочтительней большевиков, немцами — поскольку делало всё, что ему приказывали. Что же касается крестьян, то они были равнодушны к политике. В тех местах, где земельный вопрос не играл решающей роли, они были более или менее довольны. Но в других местах помещики, чтобы вернуть себе свою собственность, в отплату за совершенные крестьянами эксцессы революционного года использовали вооруженную полицию и даже немецкие войска. И это, и временами очень бестактное и грубое поведение немцев, изымавших запасы зерна (что было оговорено в договоре с Радой), приводило к ужасающим крестьянским восстаниям и мятежам, в особенности в Киевской и Екатеринославской губерниях. В первой, в особенности в Чигиринском и Таращанском уездах, бывших местом восстания гайдамаков в XVIII в., волнения оказались успешными и держали немцев в страхе до самого конца.

Когда Германия потерпела поражение (октябрь 1918 г.) и стало очевидно, что на революционизированную немецкую армию положиться больше нельзя, перед Скоропадским встала альтернатива. Он все время действовал как украинский консерватор, но ныне эта позиция стала непригодной. Скоропадский должен был стать либо «всероссийским» консерватором, либо украинским социалистом. Он предпочел первое, вступил в переговоры с генералом Красновым³³ и пригласил в качестве военных советников генерала гр. Келлера³⁴ и кн. Долгорукова³⁵. Эти действия гетмана вызвали восстание среди нескольких частей украинской армии, которая всегда была в массе своей социалистической, и по всей Украине началась гражданская война. Во главе восстания были остатки Рады, с Петлюрой и Винниченко в качестве вождей. Они образовали правительство, названное ими Директорией³⁶. Немцы оставались нейтральными, думая лишь о том, как быстрее и безопаснее вернуться в Германию. Восставшие крестьяне большей частью не признавали власть правительства Петлюры. Они создавали свои собственные отряды, которые — когда это считалось необходимым — принимали политическую программу просоветских левых социалистов-революционеров или анархистов. Наиболее значительным из этих «бандитов» (как их стали называть) был Махно в Екатеринославской губернии. Он занимался террором и грабежом с ноября 1918 г. до 1921 г., когда большевикам удалось вытеснить его в Румынию³⁷.

Между тем Скоропадский вел себя глупо и постыдно. Надеясь сохранить свою власть, он не желал передать власть генералу Деникину (как это сделал Краснов). Говорят, он мечтал остаться в восстановленной России «подобием саксонского короля». Он мобилизовал в Киеве всех офицеров для своей защиты от приближающихся петлюровцев. Доблестный и знающий гр. Келлер был отстранен, и оборона Киева была доверена неправдоподобно бездарному Долгорукому. В решающий момент, когда Киев был почти полностью окружен петлюровцами, Скоропадский и Долгорукий бежали в Германию, переодевшись немцами, предоставив мобилизованных ими офицеров неистовству захватчиков. Благодаря посредничеству немцев массовую резню удалось предотвратить, но среди погибших был гр. Келлер³⁸.

Номинально Петлюра и Винниченко контролировали в тот момент всю Украину, но положение их было ненадежным. Русские белые армии Деникина и Краснова не признали их и продвигались на юго-восток, заняв горнорудный район и северную Тавриду. Политика французов, оккупировавших Одессу, была двусмысленной. В сражении украинцев и белогвардейцев, в котором Деникин взял Одессу, французы сохраняли нейтралитет. Махно и другие «бандиты» были независимы и ненадежны. Но главная опасность шла с севера: большевики неуклонно шли по пятам за немцами, не досаждая им, но всегда одерживая победу над украинцами (если можно одерживать победу над врагом, который ни разу не принял сражения). Под новый, 1919-й, год большевики захватили Харьков и восстановили марionеточное правительство Советской Украины под руководством Раковского³⁹. Для Директории трудность заключалась в том, что большевики не вступали с ней в переговоры. Для большевиков правительство Раковского было единственным законным на Украине, все остальные были просто мятежниками. Винниченко, бывший до революции неизменно большевиком, тщетно пробовал начать переговоры. Он попытался спастись, предложив принять полубольшевистскую конституцию. Отбросив демократию, Винниченко объявил созыв Трудового конгресса, названного так, чтобы прикрыть съезд Советов. На выборах большинство получили умеренные социалисты, но, когда конгресс (ближе к концу января) собрался в Киеве, он оказался мертворожденным⁴⁰. Никто не хотел защищать Директорию, и в последние дни февраля Киев был взят Красной армией. Украинское правительство отступило в Винницу. Винниченко обвинили в пробольшевизме, и он был вынужден подать в отставку. Петлюра реформировал свое правительство в более националистическом ключе.

Однако правление большевиков было столь же непрочно, как и власть Директории. Они были окружены врагами. Внутренние области кишели бандитами, которые в лучшем случае были очень ненадежными союзниками, всегда готовыми превратиться во врагов. Но большевики обнаружили много энергии; они остановили продвижение Деникина в каменноугольном районе, разбили его в Тавриде и захватили Крым. В Одессе французы, истощенные мятежом (и, как шептали, изменой), вступили в переговоры с красными и эвакуировались из Одессы⁴¹. Большевики уговорили Махно сотрудничать с ними, а Григорьев (еще один «бандит»), открыто восставший против большевиков и в определенный момент угрожавший захватить Харьков, был разбит и уничтожен⁴². Петлюра потерял свое значение и

был на какое-то время оставлен как маловажный противник. Примерно к середине мая 1919 г. казалось, что большевистская власть вполне окрепла. Но Гражданская война в России всегда была полна неожиданными и необъяснимыми поворотами. Около 20 мая 1919 г. армия Деникина начала наступление, оказавшееся неожиданно успешным. 24 июня был взят Харьков, и к 1 сентября, после взятия Киева, вся территория Украины, за исключением крайнего северо-запада, оказалась в руках белых. Но правительство Деникина не смогло никого удовлетворить. Повсюду (в особенности на юге и на востоке) белых поначалу приветствовали, но через два или три месяца они вызвали горячую ненависть. Их расшатанная дисциплина и презрение к человеческой жизни и собственности превратили их в бич божий для населения. Махно, чьи отряды были сначала рассеяны, вновь собрал свои силы. В это же время боеготовность Белой армии пошла на убыль.

Среди крестьян, уставших от Гражданской войны, реквизиций и мобилизаций и всегда бывших на стороне той партии, которая не представляла опасности, вспыхнула череда восстаний. И почти повсюду крестьяне оказывали пассивное сопротивление. На вершине своего успеха белые разбили остатки петлюровских сил и вынудили самого Петлюру искать убежища по ту сторону польской границы⁴³. Таким образом Украинское правительство потеряло последнюю часть украинской территории. Но это был последний успех Деникина. 20 октября начались его поражения, и к концу января 1920 г. на территории Украины не осталось ни одного белого солдата.

Война с Врангелем слабо затронула территорию Украины. Однако в политической конфигурации появился новый важный фактор: Польша. Сразу после революции в Австрии русины Восточной Галиции провозгласили свою автономию и верность Украинскому государству. Между лидерами русинов и Директорией был подписан договор (ноябрь 1918 г.), по которому Галиция включалась в состав Украины. Согласно договору, две территории должны были объединиться навсегда и без каких-либо условий, но огромные различия в политических обстоятельствах и традициях вынудили русинов сохранить свою фактическую независимость. Галиция стала официально именоваться «Украиной за Днестром» («Надднестровая Украина», «Naddnistrova Ukraïna»). Поскольку Галиция была намного лучше российской Украины организована и готова к политической самостоятельности, галичане естественным образом заняли видные места в новом государстве и дали торжественное обещание защищать Директорию от всех ее врагов. Обещание было опрометчивым, поскольку Галиция имела своего собственного врага — и намного более грозного, чем большевики. Поляки немедленно проявили себя агрессивными и алчными. Они были намного сильнее русинов, имея за собой не только три армии Халлера⁴⁴, Пилсудского⁴⁵ и Довбор-Мусницкого⁴⁶, но, что было важнее, и поддержку Антанты. Они не теряли времени и представляли украинских русинов как опасных сторонников Германии. Результат борьбы, в которой Директория не могла помочь галичанам (которые в свою очередь растрачивали силы, помогая Директории), был тот, какого и следовало ожидать. К марту 1919 г. вся Галиция стала польской провинцией; остатки галичанской армии присоединились к Петлюре в Подолье.

Поляки пересекли границу и заняли часть Волыни и Подолья. Пока победа Де-никина была в пределах вероятности, поляки не шевелили пальцем против большевиков. Но как только большевики разбили белых, поляки начали переговоры с Петлюрой, с предложением завоевать для него Украину. Новая петлюровская Украина должна была находиться по отношению к Польше в том же положении, в каком Украина Скоропадского находилось по отношению к Германии. В конце апреля 1920 г., под личным руководством главы государства, началось наступление, и 2 мая Киев был взят. Через несколько недель он был потерян, и мощное наступление большевиков, дошедшее до стен Варшавы, было остановлено лишь благодаря эффективным мерам французских военных советников. Итоговым результатом авантюры Петлюры-Пилсудского для всей Украины стало: 1) признание Польшей советской власти на Украине; 2) передача Польше восьми уездов Волыни и Подолья вместе с Брестом, Холмом и Галицией; 3) полный разрыв между Петлюрой и галичанами, которых он столь подло предал полякам. С этого момента у галичан не было для Петлюры другого слова кроме «zradnyk» — «предатель».

Рижский мирный договор (март 1921 г.) — последнее событие в истории Украины. С этого момента она стала автономной провинцией — официально: автономной республикой — в советской федерации. Ее столица находится в Харькове. Во главе ее Совнаркома (Совета народных комиссаров) стоит Раковский. Состав должностей Совнаркома тот же, что и в Москве. Формально он самостоятелен, и те, кто читает новости, вспомнят, что несколько месяцев назад был подписан договор между советской Украиной и кемалистской Турцией⁴⁷. Но на самом деле Украина — провинция большевистской России.

Итоговый результат революционных лет для украинской идеи можно суммировать следующим образом. Народ Украины привык к тому, что одни назовут анархией, а другие — свободой. Но эта свобода — исключительно местная. Крупнейшей территориальной единицей «независимости» во многих случаях была деревня, иногда — уезд. Это устраняет возможность когда-либо восстановить централистское правительство, которое бы не воспринималось как враждебная и чуждая власть. В этом смысле Украина доказала свое право на самоопределение. Но она не смогла доказать свое право как национальное и единственно возможное единство. Идея единой и антирусской Украины рухнула. И будущее украинской политической мысли может лежать единственно в развитии идеи местного самоуправления в пределах большой (и возможно свободной) федерации. Что же до большевиков, то, сколько бы ни продлилась их власть, они не смогут быть не чем иным, кроме как тонкими (хоть и хорошо сплетенными) сетями военного деспотизма, наброшенными на практически неуправляемое население.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Ukraine // The Quarterly Review. 1923 (April). № 239. P. 318–325.*

¹ Имеется в виду составленная комиссией под председательством Ф.Е. Корша Записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», в которой предлагалось отменить три принятых ранее решения по данному вопросу: 1) одобренный царем циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева от 20 июня 1863 г. о запрещении печатания религиозных и учебных книг на украинском языке;

2) распоряжение Александра II от 18 мая 1876 г., запрещавшее ввоз украинских книг из-за границы, печатание в империи произведений и переводов на украинском языке, за исключением исторических документов и произведений изящной словесности (т. наз. Эмский акт); 3) постановление от 8 октября 1881 г., вносившее коррективы в предыдущие решения и разрешавшее издание украинских словарей, печатание украинских текстов к нотам. Комиссия была создана по поручению Комитета министров во исполнение указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., устраняющего излишние стеснения печати. Помимо Ф.Е. Корша и А.А. Шахматова, записку подписали еще пять академиков, среди них филолог Ф.Ф. Фортунатов, зоолог В.В. Заленский, археолог А.С. Лаппо-Данилевский, ориенталист С.Ф. Ольденбург и ботаник А.С. Фаминцын. Отчет о работе комиссии (с приложением записок, писем и сообщений А.И. Лотоцкого, П.Я. Стебницкого, А.А. Русова, В.П. Науменко и др.) был издан на правах рукописи тиражом 150 экземпляров, основное внимание было уделено прежде всего свободе печати: «Знакомство с прошлым поднятого в настоящее время вопроса побуждает нас высказаться за необходимость отмены Высочайше одобренного распоряжения 1863 года и Высочайших повелений 1876 и 1881 года» [Об отмене... 1905, с. 26]. О языке составители записки высказывались по ходу дела и не вполне последовательно: «Разговорный язык Малорусов стал языком новой малорусской письменности» [Там же, с. 16]; «Свободное развитие в лучшем случае выработает один общий для всех Малорусов литературный язык, в худшем — Малорусы, не сознав духовного своего единства, погубят свою письменность в бесплодных несогласиях и раздорах» [Там же, с. 19]. Подробнее см.: [Щёголев 1912, с. 143–152].

² Речь о разделах Польши 1772, 1793 и 1795 гг. Подробно см.: [Стегний 2002].

³ См. об этом: [Флеров 1857; Папков 1900; Лукашова 2006].

⁴ Симония — продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и др.

⁵ Украинские земли с XIV в. входили в состав Великого княжества Литовского (Речи Посполитой после объединения 1569 г.). Речь Посполита утратила контроль над частью украинских земель в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., а окончательно при разделах 1772–1795 гг.

⁶ Наливайко Северин (1560?–1597) — казачий вождь, руководитель восстания 1594–1596 гг., родился в Гусятине (ныне Тернопольская обл.).

⁷ Zgin (згин) — изгнание (укр.). См.: [Крикун].

⁸ Речь о восстании гайдамаков под руководством запорожского атамана Максима Железняка, которое получило известность также под названиями Колиивщина и Уманская резня. Подробнее см.: [Шульгин 1890].

⁹ Первое издание 1798 г., содержащее три части поэмы, было осуществлено в Петербурге без ведома автора. Авторизованным было лишь третье издание 1809 г., в которое Котляревский включил четыре части поэмы, внося ряд изменений в опубликованный ранее текст.

¹⁰ Квитка Григорий Федорович (псевдоним — Основьяненко; 1778–1843) — украинский писатель, принадлежал к харьковскому кружку, вместе с такими авторами, как П.П. Гулак-Артемовский, Е.П. Гребёнка.

¹¹ Региональное искусство (нем.).

¹² Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — украинский писатель, общественный и политический деятель.

¹³ Чупрынка Григорий Аврамович (1879–1921) — украинский поэт, политик, в 1919 г. руководитель антибольшевистского восстания на Черниговщине, расстрелян Киевским губчека 28 августа 1921 г.

¹⁴ Тычина Павел Григорьевич (1891–1967) — украинский поэт, позже советский государственный деятель, министр (нарком) просвещения УССР (1943–1948), председатель Верховного Совета УССР (1953–1959).

¹⁵ По аналогии с итальянским Пьемонтом, вокруг которого в 1859–1860 гг. произошло объединение Италии, галицкие поляки и украинофилы называли «украинским Пьемонтом» Галицию, считывая, что она сыграет такую же роль в объединении Украины. М.С. Грушевский в 1906 г. опубликовал статью под названием «Український П'ємонт».

¹⁶ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — украинский историк, общественный и политический деятель, профессор Львовского университета (1894–1914) председатель Украинской Центральной рады (1917–1918), академик Всеукраинской академии наук, член Чешской АН, действительный член АН СССР (1929).

¹⁷ Местные языки (нем.).

¹⁸ См. примеч. 1 к наст. статье.

¹⁹ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) — украинский писатель, фольклорист, этнограф, историк, создатель одной из ранних версий украинского алфавита. «Упорядоченное П. Кулишом правописание со временем употреблялось в правописной практике петербургской “Основы”, а также в изданиях “народовцев” в Галичине в 60-х – 80-х гг. XIX в. Это правописание под названием “кулишивка” пользовалось в дореволюционный период наибольшей популярностью на Украине. В целом характеризовалось оно склонностью к чрезмерной фонетизации» [Плющ 1969, с. 293].

²⁰ Делегация Временного правительства во главе с министром финансов М.И. Терещенко и министром почт и телеграфов И.Г. Церетели вела в Киеве переговоры с 28 июня по 2 июля 1917 г., завершившиеся признанием полномочий Центральной рады, распространявшиеся на перечисленные Мирским губернии. Соглашение вызвало бурный протест в Петрограде: «В самом Временном правительстве на почве украинского вопроса произошел тогда же кризис, и министры-кадеты (Шингарев, Мануилов и кн. Шаховской) вышли из его состава» [Гольденвейзер 1922, с. 181].

²¹ Государственный переворот (*фр.*).

²² Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) — офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Примыкал к левым эсерам, затем к большевикам. В январе–марте 1918 г. на Украине последовательно: командующий группой войск на Киевском направлении, начальник штаба Верховного главнокомандующего южной группой войск Антонова-Овсененко, командующий фронтом, командующий войсками Одесской советской республики. Погиб 11 июля 1918 г. при попытке поднять мятеж.

²³ Сорокин Иван Лукич (1884–1918) — казачий офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Организатор первого красного казачьего отряда на Кубани, с февраля 1918 г. помощник командующего Юго-Восточной Красной армией, в июне 1918 г. помощник командующего войсками Кубанской советской республики А.И. Автономова. В октябре 1918 г. отказался подчиниться приказам, расстрелял группу руководителей ЦИК Северо-Кавказской советской республики и крайкома РКП(б), решением 2-го Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа был смещен с поста и расстрелян в Ставрополе 1 ноября 1918 г.

²⁴ Антонов-Овсененко Владимир Александрович (наст. фам. Овсененко; 1883–1938) — революционер, меньшевик, с 1917 г. член РКП(б), советский партийно-государственный и военный деятель. С декабря 1917 г. на Украине: главнокомандующий войсками Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией, в марте–мае 1918 г. командующий советскими войсками Юга России, в декабре 1918 г. командующий Украинской советской армией, в январе–июне 1919 г. командующий Украинским фронтом и — одновременно — в мае–июне 1919 г. командующий всеми вооруженными силами УССР.

²⁵ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — революционер, советский политический и военный деятель, в феврале–марте 1918 г. народный комиссар по морским делам РСФСР. С ноября 1918 г. на Украине командовал последовательно полком, бригадой, группой войск, 1-й Заднепровской Украинской советской дивизией, с весны 1919 г. командующий Крымской армией и нарком по военным и морским делам Крымской советской республики.

²⁶ Речь о первом периоде массового красного террора зимой 1917/18 г., когда по городам Крыма — Севастополю, Симферополю, Ялте, Феодосии, Евпатории и др. — прокатилась волна убийств русских офицеров. Расправа над офицерами после вторичного взятия Крыма красными войсками была еще более жестокой и продолжалась с ноября 1920 г. до конца 1921 г.

²⁷ Бессарабия находилась в составе Румынии с 7 декабря 1917 г. по 28 июня 1940 г.

²⁸ По условиям мирного договора, подписанного 27 января (9 февраля) 1918 г., Центральная рада обязалась в течение полугода (до 31 июля 1918 г.) поставить Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов. Затем неоднократно подписывались соглашения о дополнительных поставках.

²⁹ 18 февраля 1918 г., после официального обращения Центральной рады к правительствам Германии и Австро-Венгрии с просьбой о помощи, германские войска вступили на территорию Украины. Операция была завершена в течение полутора месяцев.

³⁰ Конгресс партии украинских хлеборобов-земледельцев состоялся в Киеве 29 апреля 1918 г.

³¹ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал, военный и политический деятель; гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

³² Мирский имеет в виду Ивана Ильича Скоропадского (1646–1722), гетмана Войска Запорожского с 6 ноября 1708 г. П.П. Скоропадский был праправнуком его брата.

³³ Переговоры П.П. Скоропадского с П.Н. Красновым состоялись 21 октября 1918 г. на станции Скороходово в поезде гетмана.

³⁴ Келлер Федор Артурович (Августович) (1857–1918) — генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения на Юге России. 5 ноября 1918 г. был назначен главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему гражданских властей, однако уже через неделю, 13 ноября, снят с должности и назначен помощником нового главнокомандующего князя А.Н. Долгорукова. Подробнее см.: [Граф Келлер 2007].

³⁵ Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948) — генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В ноябре–декабре 1918 г. заместитель командующего, затем главнокомандующий русскими добровольческими частями на Украине. После отречения от власти гетмана П.П. Скоропадского уехал в Германию.

³⁶ Директория Украинской Народной Республики была образована 14 ноября 1918 г. бывшими деятелями Центральной рады. Председателем Директории стал В.К. Винниченко (с 13 февраля 1919 г. С.В. Петлюра). Прекратила существование в ноябре 1920 г. после завершения польско-советской войны и подписания мирного договора между РСФСР, УССР и Польшей.

³⁷ 28 августа 1921 г. Н.И. Махно с остатками своего отряда перешел румынскую границу в районе Ямполья.

³⁸ Ф.А. Келлер отказался бежать в Германию и был убит петлюровцами 8 (21) декабря 1918 г.

³⁹ Раковский Христиан Георгиевич (наст. фам. Станчев; 1873–1941) — революционер, политический, государственный и дипломатический деятель. С января 1919 г. по июль 1923 г. председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел Украины.

⁴⁰ Трудовой конгресс в Киеве открылся 23 января 1919 г., наделил Директорию верховной властью и, в частности, ратифицировал Акт объединения Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики в единое украинское государство.

⁴¹ Французские войска, по договоренности Франции с Англией находившиеся в Одессе со 2 декабря 1918 г., были эвакуированы 4–6 апреля 1919 г.

⁴² Григорьев Николай Александрович (1885–1919) — офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. на Украине командовал ротой, затем полком, Херсонской дивизией, принял от Петлюры звание Атамана повстанческих войск. 18 февраля 1919 г. со своим отрядом перешел к красным, с апреля 1919 г. начальник 6-й Украинской советской дивизии. 9 мая 1919 г. поднял антибольшевистский мятеж, пытался объединиться с другими повстанческими отрядами, но во время переговоров 27 июля 1919 г. был убит махновцами.

⁴³ После разгрома петлюровцев частями ВСЮР в октябре 1919 г. Петлюра сделал ставку на военное сотрудничество с Польшей и 21 апреля 1920 г. заключил с ней договор о совместных действиях против советских войск (ценой Галиции и Волыни, отходивших по этому договору Польше). После того как РСФСР, УССР и Польша в марте 1921 г. подписали Рижский мирный договор, завершивший советско-польскую войну 1919–1921 гг., Петлюра эмигрировал в Польшу, организовывал военные рейды на территорию Украины, а когда советское правительство потребовало его выдачи, уехал в Венгрию, оттуда в Австрию, Швейцарию и с октября 1924 г. осел во Франции.

⁴⁴ Халлер Юзеф (Haller von Hallenburg; 1873–1960) — офицер австрийской армии, участник Первой мировой войны, польский генерал, в 1918–1919 гг. командующий армией (первоначально находившейся под французским контролем, а затем под контролем Польского национального комитета), в июне 1919 г. командовал Юго-Западным фронтом, во время советско-польской войны — Северным фронтом.

⁴⁵ Пилсудский Юзеф (Piłsudski; 1867–1935) — польский государственный и политический деятель, основатель польской армии, в 1918–1922 гг. начальник государства, затем начальник Генерального штаба, с 1926 г. военный министр и генеральный инспектор вооруженных сил, в 1926–1928 и 1930 гг. занимал также пост премьер-министра.

⁴⁶ Довбор-Мусницкий Иосиф (Юзеф) Романович (1867–1937) — офицер на русской службе, участник Русско-японской и Первой мировой войн, польский генерал брони (1920). В августе 1917 г. командующий I польским корпусом, командующий частями польских повстанцев во время Великопольского восстания.

⁴⁷ 2 января 1922 г. в Анкаре был подписан договор о дружбе и братстве между Украинской ССР и Турцией (от имени правительства УССР его подписал М.В. Фрунзе, а от имени правительства Великого национального собрания Турции Юсуф Кемаль-бей).

ЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Революция поставила русских перед необходимостью ревизовать все свои до-революционные политические убеждения и ценности. Событие такого масштаба не могло оставить наше знание о природе вещей неизменным и вынуждает нас делать переоценку предшествующих событий. Трудно предположить, чтобы наши души были наделены пророческим даром и знали всё заранее, и, хотя бы на этом основании, отказываться от переосмысления наших идей, даже *si fractus illabatur orbis*¹. Однако это именно то, чем занято старшее поколение русских интеллектуалов. Их образ мыслей остался незатронутым — или, по крайней мере, неоплодотворенным — грандиозными событиями. Они держатся за свои старые политические ярлыки, и самое большое, что они могут сделать, это перейти от одного старого ярлыка к другому. Единственным результатом революции была во всей этой этикеточной мастерской замена вышедших из употребления умеренных ярлыков на более радикальные. Либералы и либеральные социалисты либо стали реакционными монархистами, либо склонили головы перед коммунизмом, которого они в большинстве своем не приняли сердцем, но от которого пассивно страдают как от стихийной силы, с которой невозможно бороться. Твердолобый либерализм столь редок, что верность его сторонников безнадежно проигранному делу не может не вызывать определенного уважения к этим «*impravid*»² философам. Но то, чего недостает русским интеллектуалам «после 1917 года» — это не поза неуязвимой гражданской добродетели в духе Катона, а мышление, способное быть творчески оплодотворенным самим ходом истории. Некоторые представители дореволюционных партий, в особенности из числа коммунистов, оказались способны к этому, и — по крайней мере, в практической деятельности — доказали своими поступками наличие здравого реалистического мировоззрения. Но эта деятельность остается связанной с закостенелой теорией, и вытекающее из этого противоречие между теорией и практикой неизбежно ведет их к политике, внешне напоминающей беспринципный оппортунизм. Долг пересмотреть запас политических и исторических идей русских интеллектуалов был до настоящего времени исполнен лишь одной группой — евразийцами.

Евразийское движение началось в 1921 г. в Софии, когда несколько эмигрантов-интеллектуалов обнаружили, что имеют сходные взгляды в некоторых жизненно важных пунктах общего и исторического мировоззрения. Это были князь Н.С. Трубецкой (сын покойного профессора кн. С. Трубецкого, ныне — преемник Ягича на посту главы кафедры славянской филологии в Венском университете), П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г. Флоровский. Все они, за исключением последнего, остаются интеллектуальными и духовными вождями движения, центр которого переместился из Софии сначала в Берлин, а позднее — в Париж. К движению присоединились и другие выдающиеся люди, среди которых упомянем лишь профессора Л.П. Карсавина, человека старшего поколения (родился в 1882 г.), историка и философа исключительных дарований. Кн. Трубецкой еще в 1920 г. опубликовал брошюру под названием «Европа и человечество», в которой были ясно намечены многие идеи, создавшие евразийство. Это была горячая и блестя-

щая защита прав неевропейских цивилизаций против самонадеянности Европы, отождествляющей себя со всем человечеством и считающей свою цивилизацию высшей и единственной человеческой цивилизацией в целом. Первые идеи, объединившие евразийцев, были таковы: убеждение, что Россия не есть часть Европы, что европейская цивилизация чужда России, что Россия имеет свою собственную цивилизацию, что эта цивилизация была подавлена и заслонена двумя столетиями европеизированной (Phileuropean) монархии и что революция, которая хоть и была в своей сознательной воле страстным утверждением рожденного в Европе идеала безбожного коммунизма, в своей подсознательной сути была восстанием русских народных масс против власти европеизированного и изменнического высшего класса. Евразийцы представляли себе русскую цивилизацию как религиозную в своей основе и связанную нерасторжимыми узами с истинным христианством Православной Церкви, которую евразийцы противопоставляли романизированному, юридическому и рационалистическому христианству Европы. В своем отождествлении России и Православия и в неприятии романского начала евразийцы — подлинники наследники славянофилов. Но они отвергают другой славянофильский догмат, давший старшему движению его название: евразийцы видят мало общего между русским народом и западными славянами, которых они (продолжая в основном традицию Константина Леонтьева) считают немногим лучше, чем второсортными европейцами. Евразийцы подчеркивают связи России с Востоком, и именно от этой части своего учения они и получили свое имя.

Разумеется, говоря о русских евразийцах, нужно забыть любые ассоциации с евразийцами Индии и Цейлона. Последние являются результатом смешения европейской и азиатской крови; Евразия же в том смысле, который придали ему Савицкий и Трубецкой (определившие термин соответственно с географической и этнографической точек зрения), не есть *ни* Европа, *ни* Азия. Это «континент» сам по себе, расположенный на восток от Европы и на север от Азии, приблизительно совпадающий с бывшей границей Российской империи и, в еще большей степени, с нынешним СССР*. Русские географы (в особенности Ламанский) ранее уже использовали слово «Евразия», и концепция «континента», более или менее сосуществующего с «большой Россией», не нова для европейских географов, археологов и этнологов.

Название «евразийство» несколько чрезмерно подчеркнуло чисто географические и этнографические основы движения. Однако сколь бы важны они ни были, самыми важными они не являются. Взятые сами по себе, они просто доказывают чувство реальности у их авторов. Географы слишком хорошо знают, сколь искусственна и призрачна границы «Европы» и «Азии», как она показана на наших картах. Линия, проведенная от Мурманска до Галаца, со всеми многочисленными климатическими, ботаническими и культурными границами, более или менее совпадающими с ней, есть много более реальная граница, чем ни в чем не повинная невысокая гряда Уральских гор. Мало способствует прояснению карти-

---

* Использование евразийцами понятия «Евразия» призвано отличаться от принятого английскими и континентальными (*европейскими*) географами понятия, обозначающего «Европу и Азию». — *Примеч. Д. Мирского.*

ны и включение Сибири в Азию. Древние (по крайней мере, их величайший географ Эратосфен) помещали «Европу» на севере, а «Азию» — на западе, и считали Паропамисады и Иммаус³ (горный хребет, отклоняющийся на восток от Памира) северной границей Азии, объединяя, таким образом, Европу и Евразию евразийцев в один континент, но не делая различий между «европейской» и «азиатской» Скифиями. Итак, Евразию должно рассматривать как образование, отдельное и от Европы, и от Азии и образующее самостоятельную единицу. Характеристики, общие для всей Евразии, столь многочисленны, что есть много способов определить их, и выбранные границы будут отличаться между собой в деталях, в зависимости от того, что выбрано в качестве *principium divisionis*⁴. Климат и поверхность являются наиболее показательными характеристиками. Савицкий определяет Евразию как ту часть главного континентального массива Старого Света, где нормальная последовательность климатических зон, с севера на юг, в наименьшей степени нарушается не связанными с географической широтой факторами (морями или горами). Эта регулярность в последовательности зон находится в остром контрасте с чересполосной «региональной» структурой Европы. Теория зон была с исключительной убедительностью разработана основанной Докучаевым школой российских почвоведов. Савицкий называет структуру Евразии «флаговой»: зоны тундры, леса, степи и пустыни следуют на карте одна за другой сверху вниз как полосы на флаге. Каждая зона подразделяется с равной регулярностью на подзоны (например, степь делится на «луговую степь», «ковыльную степь» и «попынную степь»). Каждая зона и подзоны имеют свои характерные комплексы (complex) растений и свои характерные почвы. Каждая непрерывно простирается с запада на восток на протяжении десятков градусов долготы. Такой широтной регулярности зон не обнаружено более нигде в мире (за исключением, быть может, Западной Африки).

В сфере взаимоотношений между российской и европейской культурами евразийская идея также представляет собой дальнейшее утверждение возросшего чувства реальности. Различие в истории и культуре России и Европы — факт, совершенно очевидный любому беспристрастному уму, и может подвергаться сомнению лишь (более или менее) софистически. Ни один европеец никогда даже не сомневался в этом, и русское западничество обычно принимает форму неуверенного снобизма. С другой стороны, западные (и, в меньшей степени, южные) славяне — явные европейцы и, за исключением болгар, не имеют особого культурного родства с Россией. Революция — хотя ее вожди и являются решительными и радикальными западниками — вновь с исключительной силой выявила на практике разницу между Россией и Европой тем, что ужесточила отношения России с цивилизацией буржуазной Европы.

Евразийцы иногда избыточно подчеркивают сходство русских с народами Восточной Евразии. Но в политической сфере их ориентированный на Восток интерес также является лишь выражением возрожденного чувства реальности. История нерасторжимо связала Россию со степными народами, и любое будущее российское правительство должно будет поверяться способностью найти с ними понимание. С другой стороны, признавая отдельность России от Европы, евра-

зийцы отказались от любых видов российского империализма, смотрящего на Запад или в сторону моря. Евразийцы не оспаривают независимости Финляндии, Эстонии, Латвии или Литвы, которые являются не евразийскими, а европейскими «латинскими» нациями. Для континентально-ориентированного евразийца Константинополь и Средиземноморье не представляют интереса. Не одержим он и каким-либо желанием обладать незамерзающими портами в Азии, будь то в Желтом море или в Персидском заливе. В географическом смысле евразийская политика — это политика реалистическая, которая рассматривает границы Советского Союза как единственный театр для российской и евразийской деятельности.

Евразийцы полагают, что Евразия является как географическим, так и этнографическим единством. Это, быть может, наиболее уязвимый пункт в их теории, давший повод для наиболее резких возражений. Существует определенная разновидность русского интеллектуала, который возмущается, когда ему говорят, что он ближе к немытому татарину, чем к «Данте и Гёте». Несомненно, что евразийцы (не столько его руководители, сколько рядовые члены) особенно подчеркивали наши «туранские» черты. Истина, кажется, лежит где-то посередине между вульгарным европеизмом и вульгарным монголизмом. В антропологическом и культурном отношении существует постепенный переход от альпийской и скандинавской Европы к финно-уграм и урало-алтайцам Сибири. Переход от поляка к русскому столь же постепенен, как переход от русского к пермяку, а от пермяка — к вогулу. Конечно, экономические условия ответственны за глубокое различие между аграриями и кочевниками. Но не нужно забывать, что аграрии финны или турки Среднего Поволжья и Прикамья ничуть не меньше подобны русским, чем русские похожи на поляков или словаков. В любом случае, глубокое культурное различие между Россией и Польшей нельзя преуменьшать (и во все времена поляки были последними, кто это делал). Оно вызвано, в первую очередь, разницей в религии — глубоким различием латинской и греческой форм христианства, давших — соответственно — столь различные плоды для западных и восточных славян. Это религиозное различие, вслед за географическим, является опорой евразийской теории, и из этих двух важнейшее именно оно, поскольку связано с глубинными метафизическими основаниями движения.

Приверженность православию, вместе с резким неприятием римского католицизма, составляет ядро евразийской доктрины. В своей критике римского католичества (и произошедшего от него протестантизма) евразийцы в целом следуют за славянофилами. Особенно высоко евразийцы ценят Хомякова. Они осуждают юридический, римский, аналитический и потому рационалистический, индивидуалистический и морализирующий дух Рима (и Женевы, которая, в конце концов, всего лишь анти-Рим). Западный человек утерял способность думать «целостно», он не видит ничего, кроме логических абстракций. Его этика неизбежно деградирует до состояния казуистики, а его наука — до деструктивного анализа. Тот же дух рационализма находит выражение в юридических построениях римского права, в логических построениях Фомы Аквинского и в современной аналитической науке. В религиозной и духовной сферах он становится индивидуализмом, полностью усвоенным человеческой душой и не соприкасающимся со вселенной.

Этот дух уже очевиден у Тертуллиана и Августина и достигает своего расцвета в протестантизме — в жестоком августиновском протестантизме Кальвина, так же как и в оптимистическом не dogматическом протестантизме Эмерсона. Греческая теология никогда не была столь антропоцентрична, как латинская. Воспитанная в традициях платонизма, она мыслила Бога как Логос, одушевляющий и преобразующий космос, и человека как часть Космоса, причастника Логоса. Мир играл важную роль в православном видении, и никакая часть творения не находилась вне религиозной сферы. Это делает невозможным исключительно человеческое («антропоцентрическое») отношение к религии и предотвращает поглощение религии этикой. Это также устраняет индивидуализм, поскольку ни человек, ни Бог не воспринимаются как нечто отдельное от мира и друг от друга. Профессор Карсавин, ведущий в евразийстве богослов (и богослов подлинно александрийской утонченности, одаренный богатым воображением), со свойственной ему любовью к парадоксу, пошел даже столь далеко, чтобы утверждать, что «христианство не есть чисто теистическая религия, но смесь теизма и пантеизма».

На практике это отношение ведет евразийцев к некоему метафизическому «материализму», который рассматривает материю и «плоть» не как религиозно малозначащие явления, но как важнейшую сферу религиозной деятельности. Главной религиозной целью человечества становится «преобразование плоти» и материи в целом — идея, глубоко укорененная в православной традиции, особенно в том, как она выражена в Литургии. Рассматривая плоть и материю как материал для преобразования, а форму и организацию — как средства этого преобразования, евразийцы оказались в неожиданном согласии с большевистским материализмом, сколь бы ни были различны их метафизические основания. Что для большевиков покорение грубой природы, то для евразийцев — преобразование материи. Экономические достижения становятся религиозным делом, а ленинский план электрификации — возможным этапом в преобразении материи. «Мистика с практикой», практическая деятельность, направленная на материальные цели, но руководимая религиозной верой, провозглашена специально российским идеалом и основной мыслью грядущей эпохи.

Антииндивидуализм евразийцев имеет свои корни в том же метафизическом мировоззрении. Они рассматривают человека в его неразрывной связи с обществом и считают аморфное состояние, до которого либеральный индивидуализм и буржуазная экономика довели европейцев, абсолютным злом. Человек неразрывно связан с обществом, его личность органично связана с высшей «симфонической» личностью, частью которой он является и которая принадлежит к более высокому уровню реальности, чем человек сам по себе. Эти «симфонические» общности-личности могут быть различных уровней. Наиболее типичными являются нации или племена, а выше их всех — Церковь, в свою очередь являющаяся частью Космоса, который наиболее совершенным образом одушевлен Логосом. Теория «симфонической» личности наилучшим образом была разработана опять же профессором Карсавиным. Она имеет явное сходство с социализмом, но необходимо понимать, что их основания совершенно разные. Социализм — это (по крайней мере, исторически) развитие «препарирующего» индивидуализма латин-

ского Запада, и начинает он с *права* каждого индивидуума на свою роль в материальной вселенной. Евразийская же доктрина начинает с метафизического *факта* сущностного единства человека и общества и видит их окончательное единение в Абсолюте.

На первых этапах евразийцы искали свой симфонический идеал в прошлом. Они были склонны идеализировать Московскую Русь, которая отвечала образцу симфонической и внеличной религиозной цивилизации, в которой форма и сущность, обряд и догма, жизнь и вера были едины и неразличимы. Такая идеализация все еще привлекательна для рядовых участников движения и находит свое запоздалое выражение в некоторых недавних евразийских публикациях. Но руководители поняли, что Московия и империя монголов (которую временами тоже идеализировали) могли быть лишь частичными воплощениями симфонического идеала, но возврат в прошлое невозможен. Построение симфонического общества было отнесено в будущее и становилось все более и более неотделимым от возрастающего искреннего принятия революции.

Националистский элемент в евразийстве также идет на убыль. Поначалу движение было явно и выражено националистическим. Его эмоциональная привлекательность для эмигрантской и не-эмигрантской массы была обязана в основном ксенофобии, причиной которой стали интервенция союзников и опыт изгнания. Сегодня из националистической партии евразийцы быстро превращаются в интернационалистов. Ныне они настаивают на сущностно-федеративном и сверхнациональном характере Евразийской федерации, первым эскизом которой евразийцы видят Советский Союз. Идея Евразийского интернационала, еще не сформулированная, витает в воздухе. Некоторые евразийцы осознают, что глубокий кризис, схожий с тем, который переживает евразийство, происходит сейчас во всем западном мире. Он находит выражение, с одной стороны, в нынешнем кризисе научной философии (представленной такими мыслителями, как профессор Уайтхед⁵ и генерал Смэтс⁶) с ее разочарованием в чисто аналитическом и препарирующем знании. С другой стороны — в растущем разочаровании в этой предельной форме аморфного и изолирующего индивидуализма — парламентской демократии, которая не признает посредников между отдельным человеком и абстрактным государством. Европейский коммунизм и (в меньшей степени) фашизм явным образом ищут более органичное и внутренне прочное общественное устройство, в котором государство не было бы абстрактной, математической равнодействующей отдельных и разобщенных волеизъявлений избирателей, но союзом «симфонических» общностей, организованных в высшее единство общей верой.

Необходимость общества, подчиненного одной Идее, стала главным принципом евразийцев. Предлагаемой государственной системе они дали название «идеократия». Они представляют ее воплощаемой уникальной партией, объединенной одной идеей, но идеей, принятой симфонической личностью Народа. И снова коммунизм и фашизм должны рассматриваться здесь лишь как грубые приближения к идеальному идеократическому государству. Недостаточность фашизма лежит в принципиальной бесплодности его правящей идеи, которая

малосодержательна, если исключить простую волю к организации. Недостаточность коммунизма также находится в слишком очевидном противоречии между политикой, идеократической на практике, и материалистической философией, на которой она основывается и которая отрицает реальность идей и сводит всю историю лишь к череде неизбежностей.

То, что евразийство укоренено в «правой» традиции русской мысли, не вызывает сомнений. Но с самого начала они стремились быть «вне правых и левых». С самого начала они признали великую революцию как историческую необходимость, и, осуждая сознательную волю коммунистов, «восставших на Бога и Его Церковь», они распознали в подсознательной воле большевизма восстание русского духа, угнетенного двумя веками европеизированной монархии и бюрократии, освобождение от чужой ферулы. Но это освобождение евразийцы были склонны считать прелюдией к восстановлению чего-то наподобие Московского царства. «Православный Властелин» (поскольку в контексте английской Библии это более подходящее слово для обозначения русского царя (tsar), чем экзотическое «Tsar») был их далеким идеалом. В экономической политике они защищали идею «добраго хозяина». Они считали приемлемой советскую систему, но она должна была превратиться в нечто вроде группового представительства в московских парламентах. Что больше всего восхищало евразийцев в большевиках, так это их организаторский гений и их презрение к параферналиям либеральной демократии. Однопартийное правление удовлетворяло их потому, что, не будучи «демократическим», оно было «демотическим», то есть находилось в согласии с невыраженной, но очевидной «симфонической» волей народа.

Ныне все изменилось. Концепция «демотической» партийной диктатуры осталась. Но подчинение делу революции стало более чистосердечным и искренним. О «православном царстве» больше не говорят. Революция принята как восстание не только против европеизированной монархии, но и против несправедливой социальной системы. Идеал «социальной справедливости», со всеми подразумеваемыми смыслами, вышел на первый план. П.П. Сувчинский разработал концепцию «права на диктатуру», которое правящая партия приобретает, лишь служа идеалу социальной справедливости. Материалистическая философия коммунистов критикуется более сурово, чем их социальная политика, которая признается в целом допустимой, но испытывающей чрезмерное и вредное влияние марксистской теории и социалистического предрассудка. «Добрый хозяин» предан забвению, и ныне защищается экономическая политика, которая бы сочетала частное и государственное начала — главной задачей первого является стимулировать второе для большей успешности, посредством соревнования на равных условиях.

В практической политике евразийцы осуждают любую контрреволюционную деятельность, не говоря уже о политическом терроре или иностранной интервенции. Однако они не отказываются от пропаганды своих идей в СССР, и хватает свидетельств того, что эти идеи сочувственно принимаются внутри Союза все большим количеством людей.

Параллельно с этой евразийской эволюцией влево изменилась и тактика их врагов. Евразийцев, на которых вначале нападали как на реакционеров и средне-

вековых мракобесов, ныне осуждают как тайных большевиков и развратителей контрреволюционной чистоты юного эмигрантского поколения. В то время как Милюков учтив, а эсеры лишены предубеждений, монархисты всех цветов и оттенков (вместе с бывшими социалистами, сторонниками интервенции) выбрали евразийцев главным объектом нападок. Евразийцы не отвечают. У них нет ежедневного, еженедельного и даже ежемесячного издания, и они предпочитают доверять времени, которое медленно, но неизбежно евразийрует (*Eurasianising*) русское мышление и на родине, и в изгнании.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Eurasian Movement // The Slavonic Review. 1927 (December). Vol. 6, № 17. P. 311–320; перепеч.: [Mirsky 1989, p. 237–245].*

¹ Строки Горация, ставшие латинским выражением: «*Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae* / Рухни хоть само небо, это убьет, но не испугает его» (Гораций. Оды. III. 3, 7–8). В переводе Н. Гинцбурга: «Пусть свод небес, распавшись, рухнет — Чуждого страха сразят обломки».

² Бесстрашные (*лат.*).

³ Иммаус — древнее название горного хребта Болор, или Белур-Таг. Поверхность Памира опирается со всех сторон, кроме востока, на снежные бока меридианного хребта Болора, или Белур-Тага (Иммаус древних. Белур-Таг значит: Хрустальные горы), связывающего между собою три параллельные с экватором цепи гор тибетской системы: Гималая, Кхун-Лун и Тхан-Шан.

⁴ Принцип разделения (*лат.*).

⁵ Альфред Норт Уайтхед (*Whitehead*; 1861–1947) — британский математик, логик, философ. Профессор Лондонского (1914–1924), затем Гарвардского (1925–1937) университетов. Создатель собственного платонического учения с элементами бергсонизма («философия процесса»).

⁶ Ян Христиан Сметс (*Smuts*; 1870–1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919–1924 и 1939–1948 гг. Генерал (с 1941 г. фельдмаршал), командующий британской армией в Восточной Африке. Философ, один из основателей холизма.

Перевод с английского и вступительная статья М.В. Ефимова

Примечания О.А. Коростелева